

Айрин Дар

ЛЕКАТЬ-ПОПАДАНКА
ТРОФЕЙ
ДЛЯ ДРАКОНА

Айрин Дар

Лекарь-попаданка.

Трофей для дракона

<https://litres.ru/74490692>

Аннотация

В прошлой жизни я – хирург, потерявшая сына, в настоящей – молодая девушка, которая должна спасти вражеского генерала. Внутри меня артефакт, принадлежащий его роду, и по воле рока я его Истинная из другого мира.

- Ты готова на всё, чтобы спасти людей? - спрашивает он.

- Да.

- Тогда докажи, - подаётся вперед, локти на коленях, голос хищный шёпот. - Приласкай меня в постели.

Растопить сердце врага и разыскать погибшего ребёнка. Материнское сердце узнает дитя даже в чужой личине. И стать матерью близнецам, которые изменяют мир.

- Я боюсь только одного, - говорит генерал. - Что однажды тебя не окажется рядом. Всё остальное - переживём.

В тексте вас ждут: Генерал драконов

Доктор-попаданка

Противостояние характеров

Тайны и легенды

ХЭ

Содержание

Пролог	5
Визуал Марины Павловны Иволгиной	10
Глава 1	13
Визуал Ивелиды Тарвейн	17
Глава 2	20
Визуал Ауриманта Вальта	24
Глава 3	29
Глава 4	33
Глава 5	37
Глава 6	41
Глава 7	45
Глава 8	49
Глава 9	53
Глава 10	57
Глава 11	61
Глава 12	65
Глава 13	69
Глава 14	73
Глава 15	77
Глава 16	81
Глава 17	84
Глава 18	87
Глава 19	91

Глава 20	95
Глава 21	100
Глава 22	104
Глава 23	109
Глава 24	113
Глава 25	118
Глава 26	123
Глава 27	128
Глава 28	131
Глава 29	135
Глава 30	140
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Пролог

Запах антисептика душит, будто вдыхаю не воздух, а что-то горькое и тягучее. Лампы над головой жгут глаза, белый свет режет зрение. Мир сузился до операционного поля, до ритма монитора, до моих рук.

Скальпель скользит уверенно, как всегда, хотя пальцы чуть подрагивают. Сердце в груди рвётся из ритма, словно барабанщик сбился и больше не найдёт такта. Боль где-то рядом, в глубине, вполне себе ощутимая, но я отталкиваю её. Мне нельзя останавливаться.

- Марина Павловна, вы в порядке? – голос медсестры сквозь вату. И остальные замирают, ожидая ответа.

- Да, - лгу. «Ещё минут десять, и справлюсь», - обещаю себе.

«Марина, нельзя напрягаться. Ты не готова», - звучат в памяти голоса коллег. Я не слушаю. Я должна довести операцию до конца. Человек на столе доверил мне свою жизнь.

Игла протыкает кожу, тянет нить. Каждый стежок отзывается тупым ударом в грудь. Но руки всё ещё точные, выверенные. Последний узел. Последний рывок. Пациент спасён.

И тут же удар. Жгучая боль, будто железный крюк вонзается в сердце. Воздух исчезает. Колени подламываются, кто-то подхватывает, усаживая осторожно на пол.

- Марина Павловна! - голоса где-то сверху, сквозь гул, будто из-под воды. Хлопанье по щекам, топот ног и попытки помощи.

Перед глазами вспыхивают картины: яркие, рваные.

Смех матери — звонкий, тёплый, такой далёкий. Её руки, пахнувшие хлебом, когда я была маленькой.

Звуки бабушкиного патефона в маленьком деревенском доме, где занавески всегда белые и накрахмаленные.

Первое признание в любви, дрожь губ и сладкая неуверенность юности.

Объятия, от которых кружилась голова, взгляд, в котором я видела своё будущее. Мой первый и единственный мужчина, у которого теперь другая семья.

И Ваня, мой мальчик. Одиннадцать лет - так мало и так бесконечно. Его смех, его шаги по коридору, его голос: «Мама!»

И тишина, которая пришла потом, когда его не стало. Тишина, которую я носила в себе последние полгода.

После инфаркта меня откачали. Я приходила в себя, но не понимала: зачем жить. Потому и рвалась на работу, которая дарила хоть какой-то смысл.

Слёзы жгут глаза, но я улыбаюсь. Потому что даже через боль чувствую: устала жить. Я любила, спасала, теряла. Однажды у меня отняли сына, а теперь и меня саму. Но я спасла кого-то другого.

«Я сделала всё, что могла», - последняя мысль.

И тьма мягко смыкается надо мной.

Визуал Марины Павловны Иволгиной

Марина Павловна Иволгина - врач-хирург, сорок пять лет, спасшая не один десяток жизней. Полгода назад из-за стресса перенесла инфаркт, была прооперирована, рвалась вернуться на работу, хотя коллеги уверяли, что требуется больше отдыха.

Тяжело переживала утрату сына. С бывшим мужем почти не общалась, только по поводу Вани. Когда его не стало, общение ушло вовсе.

Глава 1

Империя Сендрия.

*Камарвелл - крепость-монастырь
ордена Вальтрис.*

На столе передо мной мальчишка лет десяти. Его корчило от боли всю ночь. Даже в этом мире умирают от аппендицита.

Очнувшись на ледяном полу в старом храме среди обломков месяц назад, я узнала, что теперь меня зовут Ивэльда Тарвейн, мне двадцать лет, и я дочь главы ордена Вальтрис, в задачи которого входила охрана Закатного камня.

Я никогда не видела ни загадочного камня, ни отца, который погиб в ту ночь, когда я пришла в себя. Но поняла, что снова стану спасать чужие жизни, раз мне дали второй шанс.

В маленькой комнате, оборудованной мной в качестве операционной, воздух спертый. Здесь нет ни ярких ламп, ни мониторов - только магические шары, заряды которых вот-вот иссякнут, отвары и мази, несколько артефактов от болевого шока, заживляющие повязки и старые инструменты,

которым впору лежать на музейных полках, а не ковыряться в чужих внутренностях.

Чувствую, как мир вокруг дрожит от крика и топота: на улицах шум, звон железа, гул. Уже три дня крепость осаждают драконы, которые не могут обрести вторую ипостась из-за магической защиты. Так бы они давно ворвались сюда.

Делаю разрез. У меня своя битва, и я намерена одержать победу.

В ассистентах у меня только Канас – девушка-сирота, воспитанная местным монахом. Она хотя бы не падает в обморок от вида крови, ловит каждое моё слово и смотрит преданно и с любовью, готовая делать то, что скажу. Мужчины на защите монастыря. Есть убитые и раненые, которые размещены в соседних комнатах.

- Щипцы, - командую, и в мою руку ложится инструмент. – Бинт сюда, пропитывай.

- Её пальцы уверенны, но слышу, как бьется сердце, как второе эхо моего собственного. Одно неверное движение - и мы лишимся мальчишки.

Различаю тяжёлые шаги за дверью: глухой, ритмичный стук сапога по камню, от которого внутри всё сжимается. Не знаю наверняка, но уверена – монахи ходят иначе.

Дверь в операционную с грохотом распаивается, но я не оборачиваюсь, осторожно подношу скальпель к мешку, чтобы отделить его.

- Иви, беги, я их задержу, - шёпот Канас, и краем глаза

вижу, как она берёт нож.

- Стой тут, - отвечаю негромко, продолжая работу, но тут же шаги звучат снова.

- Не подходите, - Канас всё же выскакивает вперёд, угрожающе выставя нож. И я поднимаю глаза, смотря на врага.

Широкоплечий черноволосый мужчина, лицо которого пересекает старый шрам, смотрит хищно и надменно. Он воин – это видно по мечу в его руке, по окровавленным кожаным доспехам.

- Наш генерал тяжело ранен. Ты пойдёшь с нами, - бросает фразу так, будто оказывает мне честь, от которой я должна рухнуть к его ногам.

- Я пойду с тобой, но как только закончу здесь, - говорю спокойно и уверенно. – Выйдите из операционной.

За его спиной несколько воинов, один из которых держит монаха. Видимо, он и подсказал, где меня искать. Но я не виню его за это.

- Немедленно! – рычит Шрам. – Или я убью тебя, - угрожает, выставя меч в мою сторону. Только мне не страшно. Я уже умирала.

- Сделаю операцию и пойду, или пусть ваш генерал поищет себе другого лекаря, - зло смотрю ему в глаза. – Канас, - зову помощницу, которая в нерешительности возвращается. – Держи здесь, - требую от неё подчинения, потому что она в шоке.

Несколько секунд тишины и, к моему удивлению, меня

не хватают. Один плюёт на пол, другой подходит и начинает следить за тем, что мы делаем.

Довожу до конца, проверяю дыхание мальчишки. Он жив, и это главное.

Мою руки с отваром, снимаю передник, в который старая кровь настолько въелась, что никакая вода уже не отмое, и беру инструменты, которые могут понадобиться.

Шрам разворачивается и молча уходит, а я следую за его широкой спиной.

Визуал Ивельды Тарвейн

А вот так выглядит наша главная героиня - Ивэльда Тарвейн - дочь главы ордена Вальтрис. Красива, мила, добра. Но уже месяц поражает людей тем, что внезапно научилась лечить людей. Монахи и горожане посчитали это чудом, а в Камервелле появился свой врач, который спасает жизни.

Двадцать лет. Приехала с отцом в крепость-монастырь, чтобы хранить Закатный камень. Отец погиб при странных обстоятельствах, а камень исчез.

Глава 2

Каменные улицы встречают шумом войны. Ветер несёт запах гари и пепла, вдалеке клубится чёрный дым над башней ордена.

Мы идём по мостовой, скользкой после ночного дождя и крови, пару раз спотыкаюсь о тела и едва не падаю. Я видела смерти, но так и не привыкла к ним. Каждый раз моя душа сжимается от жалости и вспоминается Ваня. Я не смогла его уберечь. Он возвращался из школы, когда его сбила машина. Один удар – и нет жизни, ради которой я жила все эти годы.

С мужем мы разошлись, когда сыну было семь. Он просто собрал вещи и сказал, что полюбил другую. Я стояла и смотрела, как рушится наша семья, но не произнесла ни слова. А Ваня бился в истерике, моля отца остаться, и Егор отрывал от себя маленькие цепкие руки.

Мы научились жить без Егора. Но без Вани я так и не смогла...

Детский крик вырывает из задумчивости, и сердце строит пулемётной очередью. Оглядываюсь, смотря, как воин

вытирает меч о платье погибшей женщины, а рядом девочка лет семи. Она бросается на врага с кулаками, потому что желает отомстить. Рука дракона замахивается для удара, но я бегу, бросив саквояж. Только бы успеть.

Вклиниваюсь между мужчиной и испуганным ребёнком, и дракон замирает в удивлении. Но потом решает наказать и меня. Делаю вдох, смотря как клинок летит в мою сторону, но не отворачиваюсь. Сталь перехватывает чужая сталь, и Шрам откидывает воина, рыча от ярости, а потом берёт меня за локоть, больно дёргая в сторону.

- Ещё раз выкинешь что-то подобное, - но тут же замолкает, потому что угрожать мне смертью – глупо. Он только что видел: я не боюсь её. – Южа! – плюёт мне в лицо словом, которое впервые слышу.

Оглядываюсь, чтобы разыскать девочку, но её уже нет, а меня больно тянут за руку.

Идём недолго, поворачиваем к полусгоревшему дому. Доски пола стонут под сапогами, воздух внутри тяжёлый, пропитанный гарью и железом. В глубине - маленькая комната, и там, на грубой койке кто-то лежит.

- Ауримант, я привёл лекаря, - докладывает Шрам, толкая меня вперёд, и останавливаюсь взглядом на большом кровавом пятне на животе. На вид мужчине около тридцати, может больше. Чёрный генеральский китель валяется у моих ног, пока белая рубашка напITYвается кровью.

- Принесите саквояж и дайте мне больше света, - коман-

дую, усаживаясь на стул рядом. Сумка тут же шлёпается на пол, и я достаю скальпель, но чувствую, как руку кто-то перехватывает.

- Что ты намерена делать? – требует ответа Шрам.

- Разрезать ткань. Мне надо добраться до раны, чтобы оценить её.

Он отпускает мою руку, но стоит рядом. Видно, что командир ему дорог, иначе отчего такая забота?

Света становится больше, и я осторожно режу рубашку, всматриваясь в разрывы. Рана глубокая, словно полоса, оставленная клыками зверя или кривым клинком. Кровь уже запеклась по краям, но свежая ещё всё сочится, и по её алому оттенку я понимаю: дела у него не очень.

Обрабатываю края раны настоем травы с резким, терпким запахом – местным антисептиком, заменяющим спирт. Генерал едва заметно дёргается, но не стонет.

Следом беру щипцы, вытаскиваю осколок металла – подобие сюрикенов, придуманное магами. Рана раскрывается шире, и кровь бьёт новой струёй.

- Свет чуть левее, - снова команда, и один из солдат поднимает магический шар выше, так что тени отползают в угол.

Нахожу повреждённый сосуд, закрепляю его и перевязываю. Работаю как можно быстро, но с осторожностью. Он – враг, но для врача существует лишь клятва.

Сосредоточенно сшиваю края раны, чувствуя, как напряглось тело пациента, но у меня нет лишних артефактов, пото-

му ему придётся терпеть.

Наконец рана закрыта. Я накладываю повязку, пропитанную заживляющим составом, и позволяю себе выдохнуть. Поднимаю взгляд, встречая его глаза: тёмные, тяжёлые, но живые. В них не слабость, а безмолвная сила. Он смотрит прямо на меня, а я не могу понять, отчего его лицо мне знакомо.

Чёрные волосы средней длины прилипли ко лбу, тонкий нос, кривая от боли линия губ и карие глаза с бликами янтаря. Резкая вспышка, и я испуганно выдыхаю. Это же он! Человек, которого я видела во сне последние пять лет.

- Что-то не так? – тут же интересуется Шрам.

Но я не стану говорить с ними об этом.

- Я сделала, что требовалось. Теперь всё зависит от него, - говорю, поднимаясь с места, и намереваюсь уйти.

- Не так быстро, - останавливает меня Шрам. – Ты останешься с ним. Это приказ.

Визуал Ауриманта Вальта

Генерал драконов империи Акрион, что считает себя самой сильной страной в мире. Драконы сильны и беспощадны. Их цель - Закатный камень, только взять крепость - не главное. Найти - вот что следует. Только смогут ли они это сделать?

Ауримант Вальт - солнцeroждённый дракон, имеющий высший титул и степень магии. Красив, смел, силен, не обременён женой и детьми.

Пока... Что будет потом - посмотрим

А я напоминаю: если история нравится - добавляйте в библиотеки и нажимайте на звёздочки. Каждая подарит автору тепло и улыбку. Давайте зажжём как можно больше звёзд. Одно нажатие - и автор счастлив.

Айрин ДАР

Глава 3

В центр моей ладони впивается острое ножа, чертя тонкую линию пореза. Тут же выступает кровь, и Шрам приказывает повторить слово в слово клятву, исходя из которой я не причиню вреда вражескому генералу.

- Я – врач! – смотрю на него спокойно, держа ладонь раскрытой. – Для меня любая жизнь важна.

- Повторяй, - рычит он, а я кошусь в сторону больного.

- Нет!

- Негодная южа! – выходит из себя Шрам, сжимая кулаки, а из-за его спины доносится негромкий голос.

- Оставь её!

Шрам нехотя убирает нож в кожаные ножны, притороченные к поясу, и смотрит на меня волком. Зря только руку порезал.

- Отправляйся на поиски, Глоф, - доносится новый приказ. – У нас не так много времени.

- Да, Ауримант, - слегка кланяется ему Шрам, намереваясь оставить с нами одного из воинов.

- Охрана останется на улице, здесь и так нечем дышать.

- Но..., - пытается возразить Глоф, только тут же замолкает. — Да, генерал, - говорить чуть тише и выходит из помещения, закрывая за собой дверь, а мы остаёмся.

Подхожу к окну, распахивая его как можно шире. В нос сразу ударяет запах палёных волос, и к горлу подкатывает тошнота.

- Как тебя зовут? — слышится позади.

- Зови меня лекарь.

- Твоё имя!

Они пришли сюда за камнем. Но никто не скажет, где его искать. Потому что мой отец унёс в могилу секрет, куда спрятал артефакт. Место главы ордена Вальтрис занял последователь, но хранить ему было нечего. Вместо того, чтобы оберегать камень, он начал искать его среди записей и бумаг отца. Официально Закатный камень так и не был найден, а Будиэн должен был выпить яд, как только драконы прорвали оборону. Сведения, которыми обладает глава, не должны выходить за рамки общины.

- Твоё имя, - вновь повторяет дракон, но я не тороплюсь с ответом. Если он здесь, значит в курсе, кто хранил камень. Назовись я настоящим именем — он станет меня пытаться. Солги — обязательно найдётся тот, кто выдаст.

- Ива, - сокращаю до максимума.

- Ива, - пробует он имя на вкус. — Ты бы хотела меня убить, Ива?

- Это предложение? – поднимаю брови в вопросе, а он принимается хохотать, но тут же хватается за бок.

- Ты слишком молода для лекаря.

- Внешность обманчива.

- Сколько тебе?

- Неудобный вопрос для девушки.

- Почему? – он не играет, а действительно удивлён, а где-то вдалеке слышится женский крик.

- Вы пришли сюда убивать женщин и детей? – спрашиваю с вызовом. – Не удивительно, что вас здесь презирают.

- Осторожнее со словами, Ива, - советует мне, пытаюсь подтянуться на кровати так, чтобы сесть.

- На вашем месте я бы не делала так. Рана может разойтись. Не думаю, что вам это нужно.

- Мы пришли сюда за тем, что принадлежит моей империи. И даже больше. Моему роду.

- Вашему роду? – не понимаю. – Здесь нет ничего, что принадлежит вам. Маги строили города, развивали культуру, пока драконы столетиями приходили и накладывали повинности, забирали лучших для служения, разлучали семьи. Хорошо, что настал мир, и ваш император стал человечнее.

Я говорю то, что слышала недавно сама от одного из старейшин. Мы сидели в кругу, и он говорил о мироустройстве и политике, и о том, что драконы, спустя триста лет, решили нарушить мирный договор. Всё, как всегда. Тот, кто сильнее, хочет доказать свою власть.

Свет падает на лицо Ауриманта, и я снова вспоминаю странные сны. Я уже видела этого человека в другой жизни. Он почти всегда молчал, иногда смотрел в глаза или брал за руку. Трогал мои волосы и касался губ, а я, проснувшись, не понимала, отчего подсознание подсовывает мне этот образ.

Грешила на актёров второго плана, но, смотря фильмы, не видела никого похожего. А теперь он здесь и принёс с собой боль и смерть. И я желаю, чтобы он убрался из Камарвелла как можно быстрее.

- Подойди ближе, я хочу рассмотреть твоё лицо, - просит он, а моё сердце начинает биться быстрее. – Я не причиню тебе вреда, обещаю.

Глава 4

Я медлю, но всё же делаю пару шагов вперёд. Теперь между нами остаётся лишь полумрак. Его глаза следят за каждым моим движением, и я ловлю себя на том, что дыхание сбивается.

- Ты красива, - первое, что говорит генерал, как только оказываюсь рядом.
- Это не имеет значение для лекаря.
- Но имеет значение для женщины.
- Если быть женщиной в осаждённом городе, где каждый может забрать тебя себе, как трофей, это – проблема. Вы намерены здесь остаться?
- Кажется, мне привели не целителя, а следователя, - усме-
хается он. – И отчего-то...

Но он не договаривает, перебивая сам себя.

- Ты когда-нибудь бывала в Акрионе?
- Нет, — качаю головой.
- Ты выросла в этих землях?

Начинается самое неприятное, потому что я видела лишь

Камарвелл. О том, что за его пределами, можно судить только по рассказам. Мне удалось узнать, что вместе с отцом и семью последователями ордена мы прибыли сюда около двух месяцев назад из столицы Сендрии – государства магов, где размещалась главная резиденция Вальтрис. Что происходило до момента моего появления здесь – не удалось вывести, а последний месяц я готова была рассказать по дням. Только у меня интересуются на счёт прошлого.

- Я росла не здесь, - отвечаю уклончиво.

- А где?

- В Манисе, - называю столицу, - в монастыре. Но отчего вам так интересно?

- Такое чувство, что я тебя где-то видел.

- Вряд ли мы когда-либо встречались, - спешу не согласиться. Потому что, если так, и он меня вспомнит, придётся как-то выкручиваться.

Говорить незнакомцу, который пришёл сюда искать артефакт, о том, что он снился мне в другой жизни – значит, приговорить себя к смерти. Никому не следует знать, кто я на самом деле. Но внимательный взгляд генераластораживает.

- Акрион слишком далёк, и слишком чужд, - пытаюсь увильнуть от темы.

- Есть вещи, которые объединяют даже чужаков.

- Какие же?

- Сны, - отвечает он слишком серьёзно, и у меня перехватывает дыхание. Почему он это говорит?

- Значит, вы проведёте какое-то время здесь, а потом уедете к себе? – решаю уточнить его планы.

- Не слишком ты гостеприимна, - усмехается дракон.

- Да и вы не страдаете воспитанностью. Напомню, что отряд драконов вторгся на территорию магов, устроил пожар, убил мирных людей.

- Меня зовут Ауримант Вальт, - представляется он, и я не сразу понимаю, к чему клонит. – А теперь ответь мне, какое имя носит ваш орден?

- Вальтрис, - произношу, понимая, что корень одинаковый. А генерал смотрит на меня, изогнув брови в вопросе. – Я не понимаю, к чему вы клоните.

- Ты. Мне не по вкусу фамильярство. Не при дворе. А что касается твоей истории про сожжение городов и артефакт, то скажу: маги переиначили легенду. А всё потому, что камень на самом деле принадлежит моему роду, это они выкрали его, рассказав всему миру, что драконы – зло. Мы лишь пытаемся вернуть то, что было нашим.

- В любом случае я далека от этих забот. Моё призвание – лечить тех, кто в этом нуждается. И сейчас я всё же намерена вас покинуть, потому что следует осмотреть мальчика, которому около часа назад я делала операцию.

- Ты слышала приказ. Ты должна оставаться здесь.

- Я не подчиняюсь приказам, генерал Ауримант. А если вы намерены доказать мне, что драконы не такие плохие, как о них говорят, тогда позвольте уйти. Не только вам требуется

лекарь, но есть и другие, ничем не хуже вас.

- Тебе знаком Данадер Тарвейн?
- Это глава ордена, но уже около месяца он мёртв.
- Кто занял его место?
- Я не слежу за этим.

Он усмехается, не отрывая от меня взгляда.

- Ты лжёшь.
- Я спасаю людей, разве мне есть дело до политики?
- У Данадера есть дочь, и она здесь. Ты должна была встретиться с ней хотя бы раз.

Напрягаюсь, размышляя, что теперь я должна сказать этому человеку.

- Мои люди обещали привести её сюда, но, как видишь, пока здесь только мы.

Он играет со мной, зная, кто я есть на самом деле? Или же это обычный разговор?

Слышу голоса, оборачиваясь в сторону. Кажется, это спасение, потому что можно не поддерживать неприятную тему. Но как только внутри вталкивают Будуэна, понимаю, что это конец. Он жив, а значит, не выполнил того, что от него требовалось. А значит, сейчас расскажет всем, что дочь Тарвейна – это я.

Глава 5

Будуэна бросают к стене, и он, шатаясь, поднимается на колени. Его взгляд сразу же впивается в меня, и я понимаю: ничего хорошего он не сулит. Не знаю, какие отношения были между ним и настоящей Ивэльдой раньше, но его попытки сблизиться после моего прибытия сюда, были отвергнуты. Мерзкая бородка, сальный взгляд, высокое самомнение – я не желала себе такого мужа, и его руки, норовящие зажать меня в коридорах монастыря, вызывали отвращение.

Я жду чего угодно: крика, признания, кто я такая, но не того, что он произносит.

- Ты - предательница, - хрипит Будуэн, кровь стекает по подбородку, но голос звучит яростно. - Ты лечила чужого генерала, в то время как наши люди умирают! Он пришёлся тебе по вкусу?

Его слова режут сильнее ножа. Ощущаю, как внутри всё холодеет, но отвечаю ровно.

- Для меня нет своих и чужих. Есть только те, кто нуждается в помощи. Я – лекарь.

Он плюёт в мою сторону смесь слюны и крови, чтобы показать, насколько презирает. Сгусток шлёпается у моих ног, и вижу усмешку на лице Шрама. Кажется, ему нравится представление.

Будуэн понимает, что его не пощадят. А я не понимаю, почему он не исполнил волю ордена.

- Мы успели поймать его за стенами, - объясняет Шрам командиру. - Он намеревался сбежать, но артефакта с ним не было. Где ты его спрятал, мерзавец? - Глоф наступает на плечо Будуэна, толкая его вперёд, чтобы он не просто стоял на коленях, а поклонился генералу драконов.

- Спросите лучше у неё, - тычет в мою сторону пальцем тот, кто обязан защищать женщин ордена. Бесчестие - вот имя настоящего главы Вальтриса. Я не была знакома с прежним, но все говорили, что Данадер Тарвейн, мой отец, был тем, кто никогда не предаст.

Глаза присутствующих устремляются в мою сторону, но я продолжаю спокойно стоять, ожидая приговора.

- Проклятая, - шипит Будуэн и добавляет несколько слов на языке Сендрии, резких, как удар. Я понимаю лишь одно: смерть. Уверена, остальные просто оскорбления. Удивительно, что он, понимая близость кончины, пытается утащить на дно и других.

Солдаты хохочут, Ауримант сидит неподвижно, наблюдая за сценой.

- Хочешь сказать, что теперь девки хранят самый древний

камень в мире? – не верит ему Глоф и кивком головы приказывает выдать удар. Мгновение, и голова Будуэна откидывается назад, а солдат отходит в сторону.

Увожу голову вбок, потому что всегда ненавидела бокс и бои без правил. А здесь не соревнование, а лишь жестокость. Встречаюсь взглядом с генералом, который задумчиво смотрит на меня. Он понимает, что мне не по вкусу, но продолжает наблюдать. Сразу понятно: он не импульсивен, не скор на расправу, рассудителен и умён.

Глоф хватает Будуэна за волосы, притягивая к себе.

- Говори, где камень, я не люблю долго ждать.

Он снова намерен ударить, но его кулак замирает в воздухе вслед за ладонью Вальта, который останавливает своего воина.

- Почему же мы должны спросить у лекарки об Оуэле?

Не сразу понимаю, о чём именно речь, но Будуэн отвечает.

- Она вам не представилась? – и презрительная усмешка расплывается на и без того некрасивом лице. – Это не просто девка, как выразился один из вас. Это Ивэльда Тарвейн – дочь моего предшественника, после смерти которого Оуэл исчез. Она будет уверять, что ничего не знает, но, думаю, папаша посвятил её в тайну.

- Ива, - будто вспоминает моё имя генерал. – Ивэльда, - пробует его на вкус, не отводя от меня взгляда. – Ищите артефакт, - приказывает Глофу. – И оставьте нас с целительницей наедине.

Глава 6

Глоф, недовольно скривившись, отступает, но его глаза задерживаются на мне чуть дольше, чем положено. Видно, что он привык ломать и выдавливать признания грубой силой, и то, что его остановили, ему не по вкусу. Солдаты тащат Будуэна прочь, его ругань и проклятия затухают в коридоре, оставляя после себя тягостную тишину. Я знаю, что видела главу ордена в последний раз.

Остаюсь стоять посреди зала, чувствуя тяжесть в пристальном, спокойном, почти ленивом взгляде Ауриманта. Он не торопится приступать к расспросам, и именно это пугает больше всего.

– Ивэльда Тарвейн, – произносит он снова, будто проверяя, насколько это имя подходит мне. – Дочь того, кто предпочёл погибнуть, но не отдать камень. Красива, юна, способна к целительству, хотя я наводил справки и не слышал о том, что ты умеешь врачевать.

- Выходит, Будуэн вам солгал, - хватаюсь за призрачную возможность улигнуть.

- Или же просто разведка поленилась собрать все факты.
- Или так, - пожимаю плечами.
- Любишь поиграть? – улыбка-оскал. Он садится, упираясь ногами в пол, а ладонями о край кровати. – Я люблю играть, но всегда выигрываю.

Генерал поднимается с места. Его движение медленное, отточенное, как у хищника, который привык брать верх не силой, а ожиданием. Подойдя ближе, он останавливается всего в шаге, так близко, что я ощущаю исходящее от него тепло.

- Лекарь, - в его голосе нет насмешки, только холодная констатация. - Значит, для тебя нет своих и чужих, - подытоживает мои слова.

- Жизнь каждого бесценна.
- Красиво, но глупо. Скажи, кого ты выберешь, чтобы спасти: своего отца или меня?

- Обоих.
- Не получится.
- Значит, того у кого больше шансов, - выдерживаю его взгляд. - Если ищите предательства в каждом моём слове, то я не лекарь, а пленница.

Ауримант усмехается краем губ, будто именно этого ответа и ждал. Его рука поднимается, на мгновение замирает, и вместо удара он осторожно касается подбородка, заставляя меня поднять голову.

– Вижу, твой отец научил тебя держать спину прямо. Это

похвально. Но стойкость - лишь первая ступень. Умение пережить бурю - вторая. - Он отпускает, словно проверку я прошла.

Знал бы он, что никакой Данадер не занимался моим воспитанием. Мой отец – советский геолог со стальным характером, который выбирал цель и шёл к ней несмотря ни на что. И меня учил тому же. А мать – учительница русского и литературы. Добрая, кроткая, мудрая женщина, рядом с которой всегда было спокойно и хорошо.

- Камень всё равно найдут. Вопрос только в том, захочешь ли ты пройти бурю со мной или против, - подаёт голос генерал.

Он отворачивается, оставляя за мной права поразмыслить над предложением. Его шаги гулко разносятся по залу, и я чувствую, как внутри поднимается новый страх: не за себя, а за то, что будет, если артефакт действительно найдут.

Нас пугали мировым господством драконов, которые и без того сильны. Если чешуйчатые доберутся до артефакта, мир погрузится во тьму. Конечно, я, как человек из прогрессивного мира, где медицина и наука шагнули далеко вперёд, не воспринимала всерьёз пророчество, но понимала: что-то точно изменится и не в лучшую сторону.

Тишина давит. Даже факелы на стенах будто горят тише, не смеют нарушить его волю. Генерал идёт обратно ко мне размеренно, не спеша, словно всё это - не допрос, а какая-то игра.

- И всё же, - продолжает он, - твой отец скрывал Оуэл. Ты его дочь. И наверняка знаешь больше, чем говоришь.

Я молчу. Любое слово сейчас может обернуться ловушкой.

- Молчание, - он усмехается, - тоже ответ. Но мне нравится твоя стойкость. Другие женщины уже рыдали бы и молили о пощаде. А ты стоишь, будто сама вершишь суд.

Он обходит меня по кругу, шаг за шагом, как хищник, играющий с добычей. Будто и не ранен вовсе.

- Знаешь, Ива, - произносит он тоном, почти ласковым, - в тебе есть сила. Не отцовская, не орденская. Твоя собственная. И именно её я хочу проверить.

Он останавливается позади, наклоняется к самому уху и шепчет:

- Выбирай: быть пленницей или союзницей.

Глава 7

Тот случай, когда не подходит не один из вариантов, и следует выбирать меньшее из зол. Не оборачиваюсь. Его дыхание обжигает ухо, голос звучит слишком близко, но именно эта близость помогает собраться. Молчим какое-то время, и в этом молчании генерала больше давления, чем в угрозах других. Я чувствую, что воздух между нами стал тяжелее, плотнее, и сама тьма в углах зала подчиняется его воле.

- Союзницей? - тихо повторяю. - У союзников есть цель. У пленников - только надежда. - Делаю паузу, позволяя словам отзвучать. - Я не привыкла надеяться.

Ауримант смеётся негромко, но смех этот больше похож на рокот далёкой грозы. Он отстраняется, и я снова могу дышать свободно.

- Ты осторожна. Это преимущество, - произносит он, проходя вперёд и усаживаясь обратно на кровать. - Только времени нет ждать, пока ты подумаешь. Что скажешь теперь?

- Возможно, это зависит не только от меня, - отвечаю ровно.

– Ошибаешься, – его взгляд снова впивается в меня, и я чувствую, что он видит глубже, чем остальные. – Именно от тебя. Я умею заставить выбирать, Ивэльда. И твой выбор будет определять не только твою судьбу.

Эти слова звучат как предупреждение и как обещание одновременно. Я опускаю взгляд. Не в знак покорности, а чтобы скрыть рой мыслей. Если он прав, если камень всё ещё связан с моей семьёй, то вопрос времени, когда они доберутся до правды. Но как ему сказать, что я просто не могу знать, где этот Оэул по одной простой причине: я – не настоящая Ивэльда Тарвейн.

- Я не пленница, - говорю тихо, но твёрдо. - Но и союзницей назвать себя не могу. У меня нет информации, которую вы ищете.

Тонкая усмешка трогает уголки его губы, и в янтарных глазах вспыхивает искра.

- Значит, пока ты - гостья. Гостья под охраной.

Ловушка в красивой обёртке: «гостья» звучит лучше, чем «пленница», но смысл почти тот же. Однако спорить сейчас бессмысленно.

- Могу ли навестить больных, которые требуют ухода?

- Конечно, - соглашается он слишком быстро. Хлопает в ладоши, и тут же в проёме вырастает один из воинов. – Проводи лану, куда скажет, и не покидай ни на минуту.

- Благодарю, - делаю вид, что признательна ему. И удивлена, что генерал не стал выбивать из меня признания, хотя

мог.

Выбираюсь из здания, направляясь в сторону больницы. На площади вижу Будуэна. Он раскачивается на верёвке, и я тут же отворачиваюсь, пытаюсь унять бегущее вскачь сердце. Генерал не просто отпустил, он хочет морально меня уничтожить, чтобы я сдалась. Только что бы он ни делал – я ничего не скажу. Ведь рассказать то, о чём не знаешь, - невозможно.

Три дня улицы города тонут в пламени и крови. Солдаты переворачивают дома, вытаскивают людей за волосы, требуя рассказать хоть какую-то информацию. Над площадью поднимается дым костров, и крики пыток разрывают ночи. Я хожу среди раненых, перевязываю тех, кого ещё можно было спасти, и чувствую холодные взгляды конвоя. Им приказано не трогать меня, лишь ждать, когда моё сердце разорвётся от горя, и я выдам секрет отца.

Три дня - и я не выдержала.

- Хватит, - говорю, как только пересекаю порог генеральской комнаты. Он перебрался в другой дом и обустроился на хорошей кровати. Рана стала выглядеть лучше, но он не торопился покидать Камарвелла. - Генерал, прошу. Неужели, у вас нет сердца? Остановите бойню. Оставьте людей, уходите туда, откуда пришли!

- С радостью, - играет на чувствах, а я вспоминаю, что в моих снах он был совсем другим: добрым и ласковым. Или же я спутала его кем-то.

Ауримант сидит в кресле, откинувшись на спинку, и наблюдает за моими стенаниями. В его янтарных глазах нет ни единой искры жалости. Он – солдат, вокруг война. И нет пощады врагам, пока не будет взят рубеж. В его случае этот злополучный камень, и я даже не представляю, как он выглядит, иначе бы отдала его врагам, только бы спасти тех, кто в меня ещё верил.

- Всё просто. Я уйду, как только получу Оуэл. Одно твоё слово - и все они будут жить.

- Мне нечего вам давать, – выдыхаю. – Я не знаю, где камень. Клянусь.

- А если бы знала?

- Ни один артефакт не стоит стольких жертв невинных. Я бы отдала его вам.

Его губы кривятся в улыбке медленно и опасно.

- Ты готова на всё, чтобы спасти людей?

- Да.

- Тогда докажи, - он подаётся вперед, локти на коленях, голос хищный шёпот. - Приласкай меня в постели.

Глава 8

Только что генерал потребовал от меня определённого вида услуг.

Замираю. Смотрю на него в неверии. Неужели, это может что-то решить?

- Слово дракона, - добавляет он, видя мои сомнения. – Ну же, Ива, раздевайся. Или тебя такому не учили?

- Хотите, чтобы я унижалась? – спрашиваю спокойно.

- Если любить мужчину для тебя низость, - приподнимает бровь. – Если это не стоит сотни жизней за этими стенами.

Бросаю взгляд на нож, лежащий на краю стола. Генерал резал им мясо. Подхожу, беря его в ладонь, и ощущаю тяжесть костяной ручки и стального лезвия.

- Хочешь меня убить? – он не напуган, наоборот, в его голосе звучит азарт. Позволяет подойти к себе слишком близко, потому что уверен в том, что справится. Но у меня нет нужды нападать на него. – Следует бить вот сюда, - испытывает меня, указывая на мягкое место под рёбрами. - Между четвёртым и пятым. Лезвие пройдёт прямо в печень, и я сгорю изнутри быстрее, чем успею вскрикнуть.

Он усмехается, и я вижу холодный блеск в его глазах. Слишком спокойно, потому что он играет со мной, и ему это нравится.

- Или вот сюда, - перемещает руку на грудь. - На два паль-

да выше левого соска. Не ниже - промахнёшься и заденешь лёгкое, будешь долго мучить, но не убьёшь сразу.

Он ведёт палец чуть вверх.

- А если отсюда, под углом, пробьёшь сердце насквозь. Кровь уйдёт моментально. Человек падает, словно выключили. Ни крика, ни сопротивления. Только взгляд пустой.

- Если я и буду бить, - отвечаю на его слова, - то вот сюда, приподнимаю подбородок, показывая ему ямку у основания шеи. - Один быстрый укол – и вы захлебнётесь словами и собственной кровью.

Он не боится, наоборот, кажется, в его глазах зажёгся ещё больший интерес.

- Вы выбрали в ученики не того, генерал, - смотрю на него спокойно. – - Поклянитесь на крови, - предлагаю ему. – Поклянитесь, что как только я выполню свою часть уговора, вы выполните свою.

Он раздумывает над моим предложением и может сделать со мной всё, что угодно, но вместо этого протягивает ладонь, раскрывая её. Он знает, что я одним ударом могу лишить его жизни, но не избавляет меня от ножа, а просто ждёт.

Делаю надрез, от которого он даже не морщится, лишь смотрит на меня, не мигая и не отводя взгляда. Кровь медленно выступает на его ладони алой каплей и стекает по линии жизни. Он не шевелится, словно наслаждается моментом, будто делает это каждый день.

- Клянусь, как только ты разделишь со мной ложе, я по-

кину эту дыру, – говорит генерал глухо, глядя прямо мне в глаза. – Теперь слово скреплено. Кровь – лучший договор, Ива. Она дороже печатей и подписей.

Я сжимаю нож крепче, ощущая его тяжесть. Сталь холодная, но рука горит от напряжения. Стоит лишь дернуть – и дракон, играющий сотнями жизней, перестанет существовать. Но если можно обойтись без крови – так тому и быть.

- А теперь твоя очередь, – он чуть наклоняет голову. – Капля крови. Чтобы и ты была связана.

Замираю. Его голос звучит спокойно, но за этой спокойной нотой чувствуется давление, железная хватка, которой он привык брать всё, что хочет.

- Зачем мне клясться, если всё будет здесь и сейчас?

- Так будет честнее. Ты отдашься мне в любом месте, когда я этого потребую.

- Не здесь? – озираюсь, пытаюсь понять, что он задумал.

- Кто знает, – пожимает плечами.

На улице раздаётся женский крик о помощи и детский визг.

Делаю надрез на собственной ладони, произношу клятву, и генерал накрывает мою руку своей и сжимает её. Кровь просачивается и капает на пол, но её цвет отчего-то не просто красный, а золотисто-красный. Апервые вижу такое. Всё дело в генерале?

В глазах Ауриманта загорается искра: то ли уважение, то ли новая волна азарта. Он словно нашёл себе достойного

противника и ученика в одном лице.

- Ивэрия, - журит меня, будто я попалась на каком-то проступке.

Принимаю его обращение за руководство к действию, вытаскиваю ладонь из цепкой руки и дёргаю завязки на платье.

Глава 9

Тонкие хлястики поддаются быстро, и платье медленно сползает с плеч.

Пытаюсь дышать ровно, заставляю себя думать, что это - всего лишь сделка. Работа. Договор. Цена, которую я плачу не собой, а лишь телом, чтобы остановить кровавый кошмар в крепости. Будто в подтверждении моих мыслей за стеной плачет какой-то ребёнок, холодя мои внутренности своими слезами. Я должна его спасти, потому что однажды не сумела этого сделать для своего сына.

Даже в самом страшном сне не могла представить того, что буду стоять перед захватчиком не в качестве врача, а как гетера.

Пол холодит босые ступни, ткань соскальзывает вниз, открывая кожу. Я будто отделяю себя от происходящего: это не я, это не моя жизнь и не моё тело. Я всего лишь актриса в чужой пьесе и чужой жизни.

Ауримант смотрит внимательно. Янтарные хищные глаза прожигают насквозь, насыщая неуверенностью, ни один жест не ускользает от него. На полу ещё мерцает наша кровь - красно-золотая капля, которая переливается перламутром. Но через миг отблеск исчезает, остаётся обычный алый след, ничем не отличающийся от остальных. Будто магия отыгра-

ла своё, закрепив клятву.

Поднимаю взгляд, смотря глаза в глаза. Я в проигрыше: лекарь против воина, одетый против нагого, победитель против побеждённого.

- У вас есть предпочтения, генерал? - спрашиваю, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Он приподнимает бровь, и в его усмешке проступает удивление.

- Смело. Я думал, ты начнёшь дрожать и останешься в своём коконе.

- Уговор есть уговор.

- А чего хочешь ты?

- Скажу лишь чего я НЕ хочу.

Он ждёт, когда отвечу, а я жду, когда он попросит меня рассказать.

- Ну же, - не выдерживает.

- Грубости. Мужчина может быть властным, но нежным, страстным, но ласковым и внимательным к мелочам.

- У тебя были мужчины? – он озадачен.

- Разочарованы? – приходит мой черёд усмехаться, потому в его взгляде на миг мелькает разочарование, перемешанное с интересом. Он явно ожидал другого ответа. И уж чего он точно не ожидал, что я – не настоящая Ивэльда.

- Хочу узнать, кто он?

- Такого уговора не было.

Моя кожа покрывается мурашками, потому что мы всё же

не в бане или сауне. Ветер протискивается через щели в окнах и стенах, облизывая моё тело, напоминая о времени.

- Значит, ты не святая, - произносит Ауримант почти ласково.

- Разве, обязана ей быть, - парирую. Пусть не обольщается, что станет первым.

- Насколько мне известно, вальтрисы хранят свою девственность для мужа. А ты, как дочь главы ордена, просто обязаны были соблюдать обычаи.

- А вы, как генерал драконов, слишком осведомлены про обычаи вальтрисов. Но, - делаю остановку, - выходит, что ваш осведомитель допустил множество ошибок. Давайте без долгих прелюдий, у меня много работы. Ваши люди не щадят безвинных.

Его рука касается моей щеки, движение почти нежное, но в нём чувствуется хищная власть. Ласки неспешные - скорее испытание, чем желание. Будто он проверяет, выдержу ли я или отшатнусь.

Не отвожу взгляда. Принимаю. Держусь. Напеваю в голове любимую песню Вани про ёжика. Он так смеялся, когда слышал её в первый раз. И эта боль отрезвляет. Даже здесь, где выбор между жизнью и смертью настолько тонок, я думаю о погибшем сыне.

- Люби меня, как не любила ни одного мужчину, - звучат слова генерала, и я провожу пальцами по его губам, словно настраиваясь. Словно набирая воздуха в лёгкие перед тем,

как погрузиться на самое дно. Сажусь к нему на колени и целую, но моя нежность сминается под натиском его страсти, словно он намерен здесь и сейчас поглотить меня всю.

Шаги за дверью, и в то же мгновение он обхватывает меня за талию, перебрасывая на другую сторону кровати, словно желая спрятать от того, кто сейчас появится в дверях. И я скрываюсь за его спиной, притихая.

Один из воинов, не спрашивая разрешения, вваливается внутрь.

- Варг Вальт, - чеканит слова, - мы нашли человека, что указал нам на камень.

Генерал всё ещё продолжает держать руку на моём бедре, и физически ощущаю разочарование, которое постигло его сейчас. Если они обнаружили Оуэл, то в нашей сделке нет смысла. Он уйдёт и без договора.

- Пошёл вон, - рычит, сжав зубы, и я не понимаю, почему он не рад этой новости.

- Но...

- Пошёл вон! – генерал резко выбрасывает руку вперёд, и тут же огненный шар выскальзывает из его ладони, врезаясь в человека напротив. Солдат вспыхивает факелом и принимается истошно кричать.

Глава 10

Первое желание – броситься на помощь, но как только дёргаюсь, ощущаю сопротивление генерала.

- Хольц, - кричит он, и тут же вбегает ещё один воин, принимаясь тушить бедолагу. Полагаю, не позови его Ауримант, пылающий сторел бы заживо на моих глазах. А так вижу сожжённые участки кожи на его лице, волдыри на руках и испуганный взгляд.

- Прочь, - приказывает дракон, и оба тут же оставляют нас наедине.

Я никогда не понимала жестокость. Её ничем нельзя оправдать. И то, что произошло на моих глазах говорит о многом.

- Нас прервали, - оборачивается ко мне генерал.

- Вы импульсивны. Когда-нибудь это сыграет с вами злую шутку, - не могу удержаться от реплики.

- Предпочитаешь, чтобы твою наготу лицезрели все воины Аскарда? Могу устроить.

Я так пыталась себя настроить на то, чего не желаю, - разделить с ним постель, а теперь меня и вовсе выбили из колеи. Поднимаюсь, отправляясь за своим платьем.

- Мы не закончили, - звучит в спину ледяной голос.

- Полагаю, вы нашли то, что искали. И покинете Камарвелл в скором времени. Так что клятвы не имеют смысла.

- А если это не Оуэл?

Быстро облачаюсь обратно в платье, завязывая верёвки на груди. Не стану говорить, «лучше бы это был тот самый злополучный камень, который собрал вокруг себя такое количество жертв». Но отвечаю.

- Полагаюсь на вашу честность, генерал. Если это он, вы больше не позволите себе вести себя, как варвары. А покинете это место навсегда!

- Кто? – в его голосе слышится интерес.

- Дикий народ, что живёт бесчинствами и грабежами.

- Никогда не слышал о таком.

Ещё бы. Потому что они остались в другом мире и времени.

- Могу ли я идти? – перебиваю его размышления. Он задумчиво смотрит, как я надеваю обувь.

- Хорошо, пока свободна. Но как только мне понадобится – явишься по первому зову. А если подумаешь сбежать...

- Я ни в чём не виновата, и моя работа находится там, где во мне нуждаются. С вашего генеральского позволения, - слегка киваю, выбираясь в коридор.

Путь мне тут же преграждает воин, который спасал горевшего.

- Пусти её, - слышится голос генерала, будто он может видеть через стены. Только он слишком хорошо выучил своих псов, чтобы не понимать: без его приказа мне не выбраться.

Покидаю дом, смотря на израненную площадь. Фонтан,

что был здесь, повреждён, статуи обезглавлены. Удручающая картина. За мной конвой. Убеждаюсь в этом, обернувшись, и натываюсь взглядом на обезображенного воина.

- Мне приказано вас проводить, - говорит сквозь боль, - чтобы не пристал никто.

- Идём, я обработаю твои раны, - говорю ему, горько качая головой.

Добираюсь до монастыря, проходя в комнату, что отвела под операционную. Указываю ему, куда сесть, а потом ишу порошок, что следует использовать при ожогах. Наверное, оставила его в другом месте.

- Ива, - вбегает радостная Канас, но тут же стирает улыбку с лица, видя воина. Он ещё мальчишка, который близко принял к сердцу своё уродство. Вижу, как стыдливо прячет взгляд, уверенный в том, что смотреть на него невыносимо.

- Надо обработать раны, - говорю ей, и она хмурит брови. – Если ты намерена быть лекарем, то должна знать: мы обязаны помогать всем, кто в нас нуждается.

- Даже убийцам? – спрашивает с апломбом.

- Принеси порошок, - требую от неё, отправляясь мыть руки с чистящим средством, которое мне поставляет один местный старик.

Воин, покорно опустившийся на скамью, сжимает руки так, что костяшки белеют. Кожа на кистях покрыта волдырями, некоторые уже лопнули, обнажив влажную, болезненно-красную поверхность. Лицо обожжено неровными пят-

нами, ресницы обуглены. Запах жжёного мяса ещё витает в воздухе, и меня едва не выворачивает. Но я сжимаю зубы.

Канас всё же возвращается, но смотрит волком, а мальчишка чувствует себя под её властным взглядом ещё хуже.

- Принеси питьевой воды, пожалуйста, - прошу её, чтобы она не мешала, и помощница тут же уходит. – Не обращай внимание, она ещё слишком юна и категорична.

- А вы? Вы разве не юны?

Вопрос не в бровь, а в глаз. Я забываю, что теперь выгляжу иначе.

- Порой мне кажется, что я прожила не одну жизнь, - говорю чистую правду, но звучит это очень по-философски.

Глава 11

- Терпи, - тихо говорю бедному мальчишке, попавшему под горячую руку командира, всыпая в чашу порошок. Добавляю несколько капель воды и перемешиваю до густой пасты. - Это вытянет жар и не даст коже гнить.

Он кивает, но глаза выдают страх. Осторожно наношу состав на ожоги. Воин едва слышно шипит, спина выгибается, но молчит. Только пальцы сжимаются в кулаки.

- Всё будет хорошо, - шепчу, хотя сама не уверена.

Сверху накладываю чистую ткань, закрепляю повязку, стараясь действовать быстро, чтобы продлить его мучения лишь на секунды. Потом берусь за руки. Там ожоги глубже. Канас возвращается, интересуясь.

- Кто его так?

- Генерал.

- Генерал драконов? – не верит собственным ушам. Ей казалось, что мальчишка получил по заслугам от кого-то из местных, что защищали честь дочери или жены, а, может, жизнь своих детей или свою. – Но за что?

- Просто так. Кажется, Ауриманту не нужны причины, чтобы калечить людей.

Теперь во взгляде Канас появляется забота. Она, видя выражение моего лица, неслышно подаёт миску с холодной водой. Я промываю ожоги, обтираю и только тогда наношу ле-

карство.

- Шрамы останутся, но кожа затянется, - он должен знать, как всё будет.

- Я больше не буду таким, как раньше? – говорит, и вижу, как желваки ходят на его лице.

- Ты всегда будешь собой, - улыбаюсь ему уголками губ. – У тебя доброе сердце, я это чувствую.

Мальчишка благодарит и кивает.

- Вы добры, лекарь. Но мне нечем отплатить вам. У меня только и есть, что моя одежда да мой меч.

- Ты отплатить мне добром, если не станет трогать тех, кто не может за себя постоять, - говорю, но мы оба понимаем, что воин не сможет находиться в стороне, если ему прикажут. – По крайней мере по собственному желанию, - делаю уточнение.

- Благодарю, Ива, - называет моё имя, явно услышанное, пока мы имели беседу с Ауримантом.

Воин поднимается с места и тут же, выходит, я убираю испорченные бинты, бросая их в ведро, а Канас очищает место работы.

- Как подросток после операции? Пришёл в себя? – интересуюсь. Я должна была быть рядом с ним, но обстоятельства сложились иначе.

- Да, - подтверждает. – Но он порывался бежать тебя спасать, как только узнал, что его лекаря увели к вражескому генералу.

- Боевой мальчишка, - улыбаюсь. – А что Анхель?

Её лицо темнеет.

- Плох. Раны загноились, жар не спадает. Если до утра не станет легче, - она замолкает, но я и так понимаю. Всех спасти просто невозможно, даже и в мире, где магия помогает кипятить чайники, летать в поднебесье и превращать людей в драконов.

Закрываю глаза. Ещё один пациент на грани. Ещё одна жизнь, за которую я отвечаю.

Канас воровато оглядывается, а потом бежит к двери, выглядывая в коридор. Убедившись, что никого нет, плотно закрывает дверь и возвращается ко мне.

- Мы можем уйти, - принимается шипеть. - Я знаю путь, где нет караула. Выведу тебя из города вечером, и никто не заметит.

Смотрю на неё, не веря. Уйти? Убежать? Забыть этот ад? Но перед глазами лица моих пациентов. Их шёпоты. Их боль. Как они здесь останутся без медицинской помощи?

- Я не могу, - отвечаю твёрдо. - Они нуждаются во мне.

- Но тебя могут убить! - горячо возражает она. – Все знают, что Будуэн проболтался о том, кто ты такая. И если генерал драконов не щадит своих воинов, то что он сделает с тобой, чтобы попытаться разыскать артефакт?

Сжимаю пальцы в кулак, но голос мой ровный.

- Я не уйду из Камарвелла, а генерал должен покинуть его в скором времени. Вполне возможно, что завтра утром.

Сама не верю своим словам. Но если начну бояться - всё кончено.

- Завтра? – округляет она глаза. – Это он так сказал?

- Это я так предполагаю.

Канас делает ещё одну попытку убедить меня уйти, уверяя, что останется и станет присматривать за всеми сама. Но я лишь качаю головой. Смотрю на дверь, за которой только что исчез мальчишка-воин, и думаю: сколько ещё жизней я смогу удержать, прежде чем генерал придёт за моей?

Глава 12

За мной приходят вечером. Двое стражей у двери, лица каменные, движения резкие.

- На выход. Генерал вызывает, - коротко бросает один, даже не утруждая себя лишними словами. Всё же манеры им неведомы. Канас бросает в мою сторону полный горечи взгляд, будто говорит, что этого можно было избежать, но я лишь улыбаюсь ей, слегка кивая, молчаливо обещая, что обязательно вернусь. Только планы Ауриманта мне неведомы, от него можно ждать всего, что угодно.

Полагаю, следует поменять ему повязку. Заодно узнаю о дальнейших планах генерала. Судя по тому, что мы не виделись около шести часов, он должен был найти то, что искал. Иначе бы послал за мной раньше. Интересно, как вообще выглядит этот камень? Большой или маленький? Какого цвета?

Собираю бинты и склянки, укладывая их в сумку. Наверное, долго вожусь, потому что один из воинов выходит из себя и подбирается ближе, хватая меня за руку.

- Идём уже.

- Ты бы не налегал, Мох, девка нашему генералу приглянулась.

Канас округляет глаза испуганно, но я не хочу смотреть на неё. Это внезапное признание не греет душу, наоборот,

пугает и заставляет нервничать. Но показывать я этого не намерена.

- Идёмте, - говорю спокойно, направляясь к выходу.

Коридоры тёмные, освещённые лишь редкими световыми артефактами. С каждым шагом сердце колотится сильнее. Пытаюсь успокоить себя, говоря, что переживания ничего не изменят. Но ноги всё равно тяжелее свинца.

На этот раз генерал принимает меня в другой комнате, но в этом же доме. Слева - просторная кровать, а он сам сидит, откинувшись в кресле, будто ждёт меня давно и с нетерпением. Янтарные глаза вспыхивают, когда я вхожу. Он изучает меня, не мигая, и от этого под его кожей будто прорываются наружу чешуйки зверя.

- Камень не найден, - его голос ровный, как лезвие, которое режет мои надежды. Мы снова вдвоём, но за стеной его церберы сторожат выход, так что не сбежать, а лишь договариваться. По его лицу нельзя угадать: лжёт он или говорит правду.

- Мне нужно сделать перевязку, - отвечаю на это, подходя к нему ближе. Снимаю сумку, укладывая на стол, достаю бинты и заживляющий порошок, а потом поворачиваюсь к генералу. – Снимайте рубашку.

- Люблю, когда это делает женщина, - играет со мной.

Не желаю задерживаться дольше, чем нужно, потому делаю всё сама. Жду, когда он вспомнит о нашем договоре, и понимаю, что мне невероятно не хочется его исполнять. По-

жалуй, ещё больше не хочется, чем утром.

- Завтра мы уходим из Камарвелла, - звучит его голос над ухом, и рука генерала убирает с моего лица волосы, касаясь щеки, пока я занимаюсь делом.

- Предпочитаю, чтобы мне не мешают в работе, - говорю холодно, медленно убирая пропитавшуюся кровью ткань.

- Маленькая гордая Ивэльда – дочь главного хранителя, - зачем-то говорит он, не убирая руки. – Давшая нерушимую клятву на крови.

Не сказать, чтобы я верила в подобные вещи. Всё же моё пребывания здесь ограничивалось коротким промежутком и одной локацией, и мозг продолжал работать в оборотах моей реальности, где магия – это наука, которую можно объяснить. И не существует клятв, способных тебя убить.

Далее работаю в тишине, а генерал ждёт, когда закончу, потому что в воздухе витает его желание.

- У тебя нежные руки, - говорит, как только я собираю грязные бинты.

- Мне нужно идти к пациентам.

- Уже почти ночь, Ива, останься, - ловит меня за кисть. Его голос мягкий, почти ласковый, но я слышу в нём сталь. Останься. Это не просьба, а приказ, завуалированный в шелковую обёртку.

- Завтра перед тем, как вы покинете наши края, я зайду и сменю повязку ещё раз, - пытаюсь лавировать.

- Не как лекарь, - скользит он своей ладонью по моему

предплечью, - как женщина в моей постели. Нас прервали утром, и теперь я намерен получить своё. Конечно, если хочешь, чтобы завтра мы ушли отсюда.

Сжимаю зубы, пытаюсь совладать с нежеланием, что мечется у меня в груди, пока Ауримант добирается до моей шеи, нежно её поглаживая. Стараюсь не смотреть ему в глаза, но он поворачивает подбородок так, чтобы наши лица были напротив друг друга.

- Теперь от нашей близости зависят не только жизни тех, кто за стенами, но и твоя тоже. Ты думаешь, что клятва ничего не стоит. Я понял это сразу, по тому, как ты спокойно к ней отнеслась. Полагаю, тебя ждёт неприятный сюрприз, когда ты осознаешь, что она всё же работает.

- Я дала слово, и оно не уступает по значимости клятве.

Он удивлённо подкидывает брови, а я второй раз за день намереваюсь раздеться.

- Ты этого хочешь? – интересуется у меня генерал.

- Вы не похожи на того, кто задаёт глупые вопросы, - парирую, а он усмехается. Затем наклоняется ближе, дыхание касается моей щеки. От него пахнет дымом, лекарством и чем-то терпким, тяжёлым. И я приказываю себе забыться, потому что иного пути нет.

Глава 13

Меня ласкает враг моего народа. Народа, что близок Ивэльде Тарвейн, имя которой я теперь ношу.

В груди пусто и холодно, будто внутри всё покрылось льдом. Мне хочется вырваться, закричать, ударить Ауриманта, но перед глазами стоят лица жителей, искажённые страданиями. Раненые мальчишки, женщины, подростки, все те, кому я клялась помогать. Если сейчас оттолкну генерала - завтра они не проснутся.

Он берёт мою ладонь, и я чувствую, как мужские пальцы уверенно переплетаются с моими. Движения его медленные, осторожные, будто он даёт мне время смириться. Но внутри я только сильнее сопротивляюсь. Жалею, что нас перебили, потому что утром у меня был совсем другой настрой. А сейчас...

Сейчас я не желаю этого. Мысли в голове крутятся снова и снова, как молитва. Но вслух не произношу ни слова.

Я позволяю вести себя, позволяю опускаться в постель рядом с ним. И каждое его прикосновение режет меня изнутри, потому что оно принадлежит чужаку. Я здесь не как женщина, а как лекарь, платящий слишком дорогую цену за право оставаться среди людей, которые нуждаются во мне.

Он нежнее, чем я ожидала. И в этом самая страшная пытка. Закрываю глаза и стараюсь не думать, не чувствовать,

превращаясь в пустую оболочку. Пусть моё тело отвечает, если нужно, но душа остаётся за каменной стеной.

Когда его руки обнимают меня, я впервые понимаю, что плен может быть не только цепями, но и шёпотом, прикосновением, мягкостью. Что-то отзывается во мне на его ласку, подаётся навстречу, как глубинная память, которую стёрли не до конца.

Оказываюсь в его постели. Всё происходит медленнее, тягучее, будто он намеренно растягивает каждую секунду, не позволяя мне спрятаться за равнодушием. Его руки осторожны, словно он не генерал, а мужчина, которому есть дело до женщины рядом.

И всё же для меня это не нежность, а пытка.

Знаю: он видит мою покорность, а не желание. Видит, но не останавливается. Может быть, именно в этом и заключается его власть: не ломать силой, а обвивать, словно змей, так, что уже не различаешь, где кончается собственная воля.

Молчу. Дышу часто, как от бега. А внутри всё сжимается в тугой узел. Я не принадлежу этому мужчине, это лишь жертва ради тех, кого он может уничтожить. Но моё тело предательски отзывается на его ласки.

Когда всё заканчивается, собираю остатки сил, чтобы подняться. Одеяло сползает, я тянусь за одеждой, стараясь не смотреть ему в глаза. Но едва мои босые ступни касаются

холодного пола, его голос звучит за спиной.

- Далеко собралась?

Замираю с вытянутой рукой, которой намеревалась взять одежду

- К пациентам, - дёргаю на себя платье, мечтая сейчас, как только уйду отсюда, помыться в трёх водах.

Он касается пальцами моей обнажённой спины, и дрожь пробегает по позвоночнику.

- Нет.

- Нет?

- Ты не страдала тугоухостью, Ива-а-а, - шипит на ухо моё имя.

- Но они ждут меня, - пытаюсь возразить.

Его пальцы сжимают моё плечо, и в этом нет нежности, только предупреждение.

- Ты остаешься.

Оборачиваюсь, встречая его взгляд, и на мгновение кажется, что дракон смотрит не просто в глаза, а туда, где прячется моя боль и отвращение. Но вслух я не произношу ничего. Потому что знаю: каждое слово может стать последним. Глупо лезть на рожон без цели.

Опускаюсь на постель, уверяя себя, что следует потерпеть чуть дольше.

- Когда вы выдвигаетесь? – интересуюсь.

- Как только встанет солнце. А потому тебе лучше отдохнуть как следует.

Его слова заставляют насторожиться.

- Зачем? – спрашиваю, смотря на него с недоверием.

- Чтобы быть бодрой, конечно же.

- Но какая разница вам, генерал, какой я буду?

- Всё просто, Ива: ты отправляешься с нами.

- ЧТО?! – не могу сдержать эмоций, резко садясь на кровати, но тут же подхватываю соскользнувшее с груди одеяло, прижимая его к себе. – Я выполнила свою часть обещания! – пытаюсь гнуть свою линию.

- А я выполню свою, - улыбается красиво, но сейчас меня корбит от его самоуверенности. – Я клялся, что уйду из Камарвелла. И намерен это осуществить. В чём же я солгал?

- Да, но уговора, что я пойду с вами, не было!

- Как и предложения с тем, что ты останешься здесь.

- Я нужна своему народу!

- Надо было думать об этом раньше! – улыбка сходит с лица, её сменяет кривизна губ в издёвке. – Ты умеешь искусно сочинять, смотря прямо в глаза.

- О чём вы? – мне не по себе. Неужели, он догадался, кто я на самом деле?

- Ты солгала, Ива, и будешь за это жестоко наказана.

Глава 14

Секунды тянутся непозволительно долго, и, замерев, жду следующих слов генерала.

- Сегодня ты остаёшься в моей постели, - продолжает он, - а завтра летишь с нами. Разве могло быть иначе?

Внутри всё рвётся: гнев, страх, неверие.

- Могло быть честнее, - отвечаю на это, и он смеётся, откинувшись на подушке.

- Неужели, ты думала, что способна меня провести? – смотрит на меня, сдвинув брови на переносице.

- Не понимаю о чём вы.

Ауримант медленно поднимается, отправляясь к столу. Берёт что-то в руку, и я невольно ёрзаю на постели, чувствуя нарастающий страх. В его ладони зажат нож, с которым генерал подходит ко мне. Его шаги гулко отдаются в груди. Вспоминаю его урок, куда лучше бить. Я беззащитна перед ним сейчас, что бы он не выбрал.

Он берёт мою руку слишком крепко, чтобы я не могла вырваться, и лезвием режет кожу на ладони рядом с ещё свежим порезом от клятвы. Боль мгновенная, яркая, но страшнее то, что капли крови падают на пол и снова отливают золотым. Совсем как утром, только с одной лишь разницей: я осознаю, что причина не в крови дракона и даже не в клятве. Всё дело во мне?!

- Будешь и дальше отпираться, Ива?

- Легко отпираться, когда не понимаешь, в чём тебя обвиняют! – отвечаю, сжимая ладонь. Чувствую, как по венам идёт жар. Кровь требует. Она пульсирует, тянет за собой воспоминания, которых нет.

- Хочешь сказать, что твой отец совершил ритуал без твоего ведома? – играет умело с ножом Ауримант. Его движения уверенные, точные, а потом генерал отворачивается и совершает бросок. Нож чертит воздух, проходит несколько метров и впицается носом в стену на пару сантиметров вглубь.

Оба смотрим на него, а потом друг на друга, и хищный оскал снова играет на губах дракона, одетого лишь в подобие набедренной повязки.

- Я не имею никакого понятия, что сделал мой отец. Можете проверить меня на любых артефактах, я не лгу.

Глаза сужаются до тонких щёлок, словно он пытается просканировать мои слова.

- Ты не знаешь, что произошло?

- Нет.

- Готова поклясться на крови?

- Да, но это будет последняя клятва, я не из тех, кто любит, что ему режут руки. К тому же неизвестно, где побывал ваш клинок, а значит, он может занести заражение через порез. Не вижу смысла намеренно себя калечить, чтобы умереть от сепсиса.

Генерал снова смеётся, качая головой, и видно, что раз-

думывает.

- Ты странная, Ива, но именно этим мне и нравишься. С другими женщинами я скучаю.

Тоже мне, нашёл стендап-комика.

- Если ты солжешь, твоя кровь сожжёт тебя, - напоминает.

- Тогда я спокойна, - говорю, не отводя взгляда.

- Слишком спокойна, - подтверждает генерал, размышляя, не блефую ли я. Он направляется к стене с лёгкостью вынимая оттуда нож, а потом снова возвращается ко мне. Вздыхаю, протягивая руку.

- Режьте, - говорю устало. – Только не ладонь. Руки для врача – инструмент. Повреждая их – вы лишаете пациентов возможности спастись, потому что такими руками куда сложнее делать операции.

- В моей империи используют артефакты.

- Мы не в вашей стране. Ну, давайте же покончим с этим, и вы оставите меня в покое. Я бесконечно устала ото всего.

Он снова берёт мою руку и ждёт, что я одёрну. Но мне скрывать нечего. Лезвие снова касается кожи. Свежая рана кровит, потому что кровь не успела свернуться. Но ничего не происходит. Генерал отпускает меня.

- Клятва бессмысленна. Ты всё равно отправишься со мной.

- Для чего?

- Следует вынуть его из тебя!

- Кого?! – округляю глаза, потому что звучит это настоль-

ко страшно, что каждый волосок на моём теле поднимается по стойке смирно.

- Оуэл, конечно же.

- Камень? – не верю его словам, а потом шумно выдыхаю.
– Это горячка! Вы себя слышите?

- Конечно.

- Будь в человеке камень, он бы давно умер от этого. К тому же, - сдёргиваю покрывало, снова обнажая себя, - у меня нет ни одного шрама. Как, по-вашему его поместили в меня?!

Да он сумасшедший. Если раньше я только предполагала, то сейчас уверенна. Шизофреник!

- Ваша манера искренне удивляться не может не поражать.

- Шрамов нет! – гну свою линию. – Может, я его проглотила? Но тогда...

- Это невозможно. Закатный камень довольно крупный, - издевается он надо мной.

- Тогда как? – требую от него ответа, снова хватая своё платье. И на этот раз натягиваю, потому что вести переговоры одетой лишь в собственную кожу неловко.

- А вот это я хотел поинтересоваться у тебя «как». Как твоему отцу удалось проделать такое?

Глава 15

Первое, что помню, прибыв сюда, - старый храм, в котором обвалился потолок, убив отца Ивэльды. Что если генерал прав, и она умерла из-за того, что безумец пытался заключить в её тело огромную магическую мощь?

Вспоминаю о нескольких сильных девушках, не имеющих болезней, которые погибли несколько месяцев назад неизвестно от чего. Что, если Данадер Тарвейн искал способ, чтобы спрятать главную ценность ордена? А когда нашёл, сделал сосудом свою дочь?

Ива погибла, но её место заняла я. Не знаю для чего и как, мои представления о посмертии выглядели иначе. Сперва я не верила в загробную жизнь, но, когда от меня ушёл Ванечка, убеждала, что однажды мы встретимся. Только я даже не могла представить, что окажусь в ином измерении в теле взрослой девушки. И до сих пор не понимаю тех странных снов, в которых постоянно видела лицо Ауриманта.

- Ты ничего не помнишь? – в который раз задаёт вопрос генерал, будто мне надоест, и я выдам ему что-то другое. Он стискивает мой подбородок, смотря в глаза, но я отвечаю честно.

- Нет.

Вальт молчит, не разрывая контакта, а я чувствую себя лягушкой, которую в скором времени намерены препариро-

вать.

- Даже если ты ничего не помнишь, и я допускаю, что ритуал мог повлиять подобным образом на твоё сознание, кровь тебя выдала. Потому она сияет золотом. Потому я не могу убить тебя, пока не найду возможность достать Оруэл.

Грудь сжимает, будто в лёгкие налили свинца. Не нахожу воздуха. Ауримант там просто говорит об убийстве, что по коже шагает мороз.

Внутри меня то, ради чего гибнут люди и сгорают города.

- И давно у вас появилось желание меня убить? – решаю уточнить.

- Пока не думал об этом, но мне не нравится, когда передо мной стоят какие-то запреты.

Фыркаю от такого ответа. Для него человеческая жизнь ничего не стоит.

- Скоро рассвет, - констатирует факт. – Дорога предстоит долгой, а потому необходимо хоть немного отдохнуть.

Спорить с ним бесполезно. Ложусь обратно, понимая, что качать права сейчас не выйдет. Теперь я точно не могу выбирать: гостя или пленника, потому что Ауримант выбрал за меня.

Утро приходит тихо, словно боясь нарушить ту странную, натянувшуюся тишину между мной и генералом. Небо над руинами храма, который драконы не пощадили, бледно-розовое, и первые лучи солнца скользят по одинокому дереву перед окном. Воздух дрожит, но не от холода, а от пред-

чувствия неизбежного, как натянутая струна, которую никто не в силах унять. Голубоватая дымка плывёт по улицам, не успевшая развеяться после ритуала, совершённого нашими магами. Он держит в плену не только улицы, но и саму способность трансформации драконов. Это был единственный способ, способный удержать Камарвелл, но нам всё равно не удалось.

Драконы, которые спокойно обращались в других местах, теперь стояли на площади, не отличимые от жителей, если не брать во внимание их обмундирование. Прикованные к земле невидимыми оковами, не в силах обрести вторую ипостась.

Отряд готовится к походу. Солдаты шуршат плащами, натирают до блеска свои мечи, седлают лошадей, всех, что нашлись в крепости, чтобы увезти с собой награбленное. Так поступают победители. Радует, что они не увозили с собой рабов, если не считать меня.

Генерал ходит между строев, спокойно отдавая команды. Сегодня он выглядит куда лучше, чем в первые часы нашего знакомства. На нём всё зажило, как на собаке. Отчего-то вспомнилась именно эта поговорка, главное, не употребить её в разговоре с Вальтом.

Мне Ауримант позволяет взять с собой нужные медикаменты на первое время. Увидев в руках чемодан с одеждой – смеётся и веитл оставить нуждающимся.

- Всё же решили меня убить по прибытию? – пытаюсь го-

ворить без дрожи в голове, но его манера общения не может не нервировать. Взять и покончить со всем раз и навсегда проще, чем ждать, когда с тобой наиграются.

Но он не отвечает, кивает в мою сторону своему цепному псу, и Шрам тут же хватается меня за руку, намереваясь утащить вперёд.

- Ива! – звенит в утреннем тумане женский голос, и я оборачиваюсь. Канас бежит ко мне с заплаканным лицом, и генерал взглядом приказывает Глофу дать возможность нам попрощаться. Девушка обнимает крепко и ревёт, упрекая, что я не послушалась её тогда. Она просит меня быть сильной и верить в лучшее.

Город выходит провожать вместе с ней. Люди выстраиваются позади Канас, смотря на меня с тревогой и усталостью. Кто-то шепчет молитвы, кто-то протирает глаза платком, а другие зыркают в сторону врагов, желая, чтобы они покинули это место, как можно быстрее.

- Мы будем ждать твоего возвращения, - говорит на прощание Канас, только ни я, ни она не верим в то, что у меня будет такая возможность. Сказать «да» - глупо, а «нет» - невыносимо.

- Теперь ты опора и надежда этих людей. Никто лучше тебя не знает, как лечить раны и ожоги. Позаботься о них, пожалуйста.

Сегодня я видела Канас в последний раз.

Глава 16

Дорога влажная, наши шаги глухо отдаются по камням. Магия всё ещё звенит, как неуловимое эхо вокруг нас, заставляя драконов идти пешком. Я же вместе с генералом на лошади, обрамлённая его руками, как клеткой, из которой не вырваться. Кажется, он не доверяет никому, кроме себя.

По обе стороны от нас переговариваются солдаты и несколько рабочих, которые всё больше отстают от лошади. Позади везут убитых. Их немного, но они есть. Остаться на чужбине, найдя приют в чужой земле – для них позор. Поэтому кого могут забрать – везут обратно, чтобы вернуть семьям.

Я – одна женщина среди сотни мужчин, прибывших за Оруэлом. И обратно меня везут, как трофей. Даже не могу представить, что именно станут делать, как только мы прибудем на место.

Из города доносится отголосок последнего вздоха: колокольный звон, разносящийся по округе поминальным. По ком звонит колокол? Предельно ясно.

Мне всегда нравилось путешествовать. Раньше, когда я ещё была счастлива в браке, мы с мужем и Ванькой грузили машину до отказа, отправляясь на месяц в дорогу. Свобода, когда тебя ничто не ограничивает. Когда ты можешь остановиться в любом месте, говорить с незнакомцами сколько

влезет и ночевать под открытым небом, расчёсывая укусы от комаров.

Сейчас моё тело ныло от длительного пути. Неторопливое раскачивание животного, ноги колесом от его боков и близость генерала были невыносимы. Спешивались мы лишь раз, чтобы восполнить силы и пообедать, а затем ехали снова. Хотя многие бы хотели поменяться со мной местами, меня шагами холмы Сендрии.

На привале помогла нескольким солдатам с кровавыми мозолями, научила мотать портянки, потому что драконы привыкли передвигаться по воздуху, а не быть пехотой. К такому они просто не были готовы.

Камарвелл прячется в горах, и лишь выйдя на равнину Ауримант приказывает готовиться к полёту, и в строю начинаются радостные разговоры о том, что скоро они окажутся дома. До слуха добираются обрывки фраз про жён и детей, про таверны, в которых воины с радостью оставят золото, чтобы отметить удачный поход.

Впереди показывается древко, на котором развевается большой стяг: белое полотно с тонким золотым вензелем, который переливается и притягивает взгляд. Знак чужой власти, чужой гордости, и в нём узнаются символы драконов. Мы ещё в землях Сендрии, и стяг поставлен как засечка, которая обозначает магическую границу.

Воины рассредотачиваются в разные стороны, чтобы иметь место для манёвра. Несколько должны добраться по

земле на лошадях, остальные сегодня придут в Акрион.

На моих глазах люди внезапно меняются в форме, становясь огромными и ужасными драконами. Из горла вырывается звериный рёв. Кожа меняет структуру, руки вытягиваются в когтистые лапы, на спине вырастают крылья, больше похожие на паруса, чешуя блестит, как металл, и от неё пахнет озоном и дымом, который щекочет ноздри.

Смотрю, не в силах оторвать взгляд. Это одновременно ужасно и величественно, а ещё необъяснимо с точки зрения науки. Любопытно исследовать, как происходит этот процесс. Что есть в теле дракона, чего нет у остальных? Особый ген? Изменённая по структуре кровь?

Во мне говорит учёный и интерес, благодаря которому медицина постоянно развивается. Бросаю взгляд на генерала, ловя себя на мысли, что его бы я с радостью пожертвовала для науки. Отчего-то во мне борются два чувства: ненависть и желание узнать его ближе. И что-то мне подсказывает, что второе тянется из моих снов.

Глава 17

Задираю голову вверх, следя за первым поднявшимся в воздух. Он набирает скорость, а потом делает несколько кругов, словно осматривается. За ним следует второй, третий и так далее.

- Полетишь со мной, - раздаётся над ухом знакомый баритон, и я вспоминаю, что пришла сюда не просто глазеть и удивляться, а на закляние.

Оборачиваюсь, глядя на генерала, который направляется к летающему транспорту. Хотя бы хватило ума не обращаться, а лететь в таком виде. И пусть я не сталкивалась раньше с драконами, уверена, что трансформация отнимает много сил. Но я бы не стала отговаривать Ауриманта от этой глупости, пожелай он лететь сам. Мне на руку его смерть.

Вальт ждёт, пока я подойду ближе, а затем помогает забраться на Глофа. Я понимаю, что это именно он, по шраму, прочертившему половину морды. Меня усаживают на загривке, требуя ухватиться за роговые шипы, а затем генерал умачивается позади, совсем, как на лошади. С одной лишь разницей, что это дракон.

Чешуя Глофа играет на солнце, глаза светятся янтарём. Замечала, что карий – самый распространённый цвет глаз у воинов. И лишь изредка попадались голубой, зелёный, серый или васильковый.

Дракон шевелится, проходится кривыми лапами по земле, совершает разбег, а потом прыгает, раскрывая крылья на лету, и я стискиваю шипы сильнее, боясь свалиться ненароком на землю.

- Страшно? – шёпот в самое ухо, тепло, разносящееся по телу. Вспышкой сновидение, в котором это уже было. Да, лишь теперь осознаю, что однажды мне снилось подобное, и, проснувшись, я пыталась уловить сюжет, но он был каким-то расплывчатым. Сейчас внезапно понимаю, что именно это я и видела.

- Необычно, - признаюсь ему, чтобы что-то ответить.

Ветер треплет волосы, забирается под одежду. Думаю, минут через тридцать меня начнёт трясти от холода, потому что мы всё же набираем высоту.

Несмотря на то, что поднялись в воздух одними из последних, оказываемся впереди, становясь во главе фигуры, похожей на клин. Только центральная часть так же занята воинами.

Чуть наклоняюсь, чтобы оценить расстояние до земли. Наверное, примерно около пяти тысяч метров, потому что различаю ландшафт, но не какие-то мелочи.

Пейзажи тянутся лениво: плоские равнины сменяются перелесками, затем степью, редкими деревьями. Попадают озёра, которые кажутся зеркалами чужих жизней. Скоро показываются одинокие сторожевые башни и посёлки, а когда вижу крепость – понимаю: мы на границе с Акрионом.

Почти ничего не знаю об империи драконов. Лишь то, что это оборотни, способные обращаться во вторую ипостась не из-за новолуния или каких-то других факторов, а по желанию. Что среди них - лучшие воины и довольно сильные маги. Что они одни из самых кровожадных народов, населяющих этот мир, у которых невероятное число амбиций. И что они ищут Оуэл, дабы поработить весь мир.

И, если камень каким-то образом действительно был помещён в меня, Данадер Тарвейн сделал самый глупый поступок в своей жизни. На его месте я бы бросила его в самое глубокое ущелье или действующий вулкан на глазах врагов, и пусть они жертвуют жизнями добывая то, что невозможно добыть. Но вместо этого отец приговорил дочь, а заодно и меня, к смерти.

Глава 18

Я снова в объятьях генерала, но не потому, что мы в постели. На спине дракона не только ужасно неудобно, но и невыносимо холодно. Сдерживаю дрожь до последнего, не желая показаться слабой, и Ауримант расстёгивает дублет, чтобы моя спина упиралась в его грудь, и укрывает походным плащом. Это не забота, а боязнь, что я заболею и наврежу Оуэлу.

Становится куда теплее, словно тело поместили рядом с печью. Полагаю, это особенность драконов, внутри которых течёт огонь. Спустя пару минут перестаю дрожать, лишь лицо морозит ветром, а волосы то и дело быют по щекам. Не благодарю, это лишнее. Я здесь из-за его прихоти.

Когда темнеет, летим всё равно, и я не понимаю, как находят драконы в темноте верную дорогу.

- Ночное зрение, - будто читает мои мысли генерал, касаясь губами уха. – Нам доступно видеть во второй ипостаси лучше, чем на двух ногах. Зрение дракона совершеннее человеческого, мне есть с чем сравнить, - звучит усмешка в его голосе.

На рассвете начинаем снижаться, и только теперь различаю редкие огни. И если провести по линиям, получим квадрат, похожий на вертолётную площадку.

Лишь сейчас осознаю, что отряд изрядно поредел, и вслед за нами летят лишь три дракона, которые дожидаются нашей

посадки, и лишь затем улетают прочь.

Генерал съезжает с крыла первым, а затем вытягивает руки, приглашая меня последовать за ним. Это как аварийная посадка, только вместо самолёта – дракон.

Под ногами земля, но мы долго были в небе, что немного качает. Такая реакция бывает после поезда, потом отпустит, а пока стучу каблуками по булыжникам, увлекаемая Глофом, который обратился в человека. Вальт пропал из поля зрения, а передо мной вырастает массивное строение, словно сама скала решила стать домом.

Солнце поднимается, окрашивая всё в розовый перламутр.

- Где мы? – задаю вопрос Шраму.

- В Облачных утёсах.

- Мне это ни о чём не говорит.

Он пропускает мимо ушей моё замечание, продолжая идти.

- Это таверна? – допытываюсь. – Или замок императора? Может, тюрьма?

Он отчего-то смеётся хриплым смехом. Всё же странное чувство юмора у драконов.

- Ты – жалкая сендрийка, ни к чему такую показывать Ужвару.

Он не желает помогать мне, а крепость, созданная для того, чтобы выдержать и время, и войну, больше похожа на бастион. Красное солнце окрашивает высокие башни, что вре-

заются в небо, окна кажутся узкими щелями, а стены сложены из серого камня, грубого, но крепкого. Взгляд останавливается на барельефе: в центре дракон с распростёртыми крыльями, выгравированный так глубоко, что окрашенный рассветом кажется живым. Чешуя выведена рельефно, с тонкой проработкой каждой пластины, а позади рептилии солнце, которое драконы почитают как источник силы и вечного господства.

От времени камень почернел, но его глаза, выполненные из ярких охряных камней, напоминающих янтарь, кажутся следят за каждым пришедшим.

Чуть ниже надпись, но я не могу разобрать. Попав в Сендрию, научилась бегло читать, только знаки передо мной не кажутся знакомыми. Наверное, драконий язык.

Позади нас массивные ворота, окованные железом, что за ними мне неизвестно. Идем по каменному плацу, и различаю конюшни, склады, оружейные. От низкой постройки отделяется тень, направляясь к нам. Ауримант выглядит усталым, но продолжает держаться на ногах.

Заспанные слуги выстраиваются в шеренгу, как только генерал появляется на массивном крыльце. Мужчины и женщины пытаются подавить зевки, стоя в одинаковых серых туниках с золотой вышивкой у горла. Подобный знак я видела на стяге, от которого мы улетали. Сперва мне казалось, это флаг Акриона, но теперь понимаю – это знак принадлежности к дому Вальтов.

Он привёз меня к себе домой.

Взгляды слуг беглые, но исполненные уважения и страха. Когда Ауримант проходит мимо, они склоняют головы. Чувствую, как его присутствие меняет воздух: даже здесь, на своей земле, он держит всё под жёстким контролем.

- Встретили бы тише, - бурчит, бросая быстрый взгляд на слуг. - Гостья утомлена дорогой.

Гостья. Слово звучит издевкой, хотя подано таким тоном, будто он делает мне честь, а не притащил сюда против воли.

- Отведите её в покои, - приказывает одной из девушек, останавливаясь у подножия широкой лестницы, ведущей в основное здание. Голос его резок, не терпит возражений. - Комната должна быть сухой, тёплой и с замком.

Последнее слово заставляет меня ощутить, будто по спине пробежал холодок. Он не сказал «закройте», не велел «сторожить», но все и так понимают, что дверь предназначена быть преградой, а не украшением.

Глава 19

Слуга - молодой парень с тёмными волосами, собранными в хвост, поспешно кивает, кланяясь так низко, что почти касается пола. Жестом приглашает меня следовать за ним. Ещё двое женщин двигаются за нами, как тени, которые никуда не денутся.

- Что ты намерен с ней делать? – слышу голос Шрама за своей спиной.

- Ты отправишься с поручением в Готтард.

- Зачем? – в голосе смесь удивления и недовольства. – Хочешь, чтобы я привёз тебе парочку деревьев-пожирателей? Так их там почти не осталось, лишь на обнесённой территории, чтобы показывать гостям, как раньше жилось в этой местности.

- Мне нужна Эйлин Торн, и ты должен вернуться сюда с ней.

- Жена бывшего генерала? – уточняет Глоф. – Но для чего?!

Оборачиваюсь, встречаясь взглядом с Ауримантом. Он стоит, сузив глаза, сцепив руки в замок за спиной. Кажется, они стали обсуждать секретные дела слишком рано, не дождавшись моего ухода. И оставшееся время, пока мы поднимаемся по лестнице, иду в тишине, если не считать звука шагов и моего собственного дыхания.

Широкие ступени из белого камня блестят, будто их недавно вымыли. Коридоры просторные, но почти пустые: лишь редкие ковры с изображением драконов и штандарты с золотым вензелем. Здесь нет излишней роскоши, но каждое украшение подчёркивает власть и силу хозяина. Несколько портретов в золотых рамах с суровыми мужчинами в кителях. Явно предки Ауриманта: доблестные и отважные, которыми стоит гордиться.

Мы идём всё выше, пока не сворачиваем в левое крыло, останавливаясь у одной из дверей. Хрустит замок, и слуга пропускает меня внутрь, оставаясь снаружи, а вслед за мной входят две женщины, принимаясь стелить постель и поправлять шторы.

Комната просторна, но холодна. Высокий потолок с деревянными балками, каменные стены, на полу расстелены ковры, чтобы хоть как-то смягчить суровость. У окна разместилась кровать с балдахином, тяжелые шторы цвета вина, массивный сундук у стены. Служанка растапливает в камине дрова, и как только загорается пламя, отражаясь в кованой решётке, обстановка оживает.

- Всё, что нужно, будет доставлено, - добавляет слуга, а потом они покидают меня, и ключ проворачивается в замочной скважине с глухим металлическим звуком, и сердце моё сжимается: теперь я пленница в чужой империи.

Неизвестно, кто такая Эйлин Торн, но она точно связана с моим прибытием сюда. Остаётся надеяться, что она не ведь-

ма или целительница, которая будет меня препарировать.

Подхожу к окну медленно, будто шагами могу оттянуть момент, когда осознаю окончательно, что выхода нет. Тяжёлые шторы двигаются непривычно. Ткань такая плотная, что кажется, ею можно остановить стрелу. Оконная рама широкая, с коваными петлями, и даже створки не такие, как дома: массивные, обитые железом.

Рывком распахиваю их. В лицо сразу ударяет холодный ветер, пахнувший свободой, которую у меня отняли. На мгновение задыхаюсь: воздух здесь резкий, как нож, будто сама крепость стоит на самой высокой из гор.

Внизу каменные плиты внутреннего двора размером не больше сантиметра. Здесь третий этаж. Это как пятый в нашем мире. Туман, клубящийся за высокими стенами, начинает рассеиваться, представляя взору невероятную картину. Крепость стоит на каменном острове среди облаков, который соединён с противоположным берегом длинным узким мостом. Отсюда различить, что под ним – невозможно. Но такое чувство, что висит он над невероятно глубоким ущельем.

Вытягиваюсь вперёд, держась за раму. Снаружи стена обшита выветренным камнем, гладким, как шлифованное стекло. Ни уступов, ни выступов, за которые можно ухватиться. Даже узоры на камне лишь иллюзия, не способная помочь спуститься.

Сердце колотится, ищу хоть малейший шанс: может, карниз, балкон, хотя бы водосточная труба. Ничего. Только хо-

лодный ветер, несущий с собой тонкий звон, будто горы поют.

Становится очевидно: прыжок из окна - верная смерть, а спуститься, связав верёвки из простыни и одеяла – не выйдет. Слишком высоко. Только что я стану делать, если удастся сбежать?

Как скрываться от драконов, не имея ни знаний об Акрионе, ни денег, которыми можно уговорить кого-то мне помочь?

Стекло дрожит от порывов ветра, и я на секунду представляю, как бы это выглядело: сорваться вниз, распластавшись на маленьких серых квадратах. Не только моя жизнь оборвётся, но и камень перестанет существовать, если верить Ауриманту? Но я не планирую подтверждать или опровергать его теорию, а потому закрываю окно и ложусь на кровать, потому что жутко устала.

Глава 20

Спустя полчаса после того, как ключ в замке отсчитывает мою неволю, дверь снова открывается. На пороге появляются слуги: четверо женщин и двое подростков-мальчишек. Они несут большие медные вёдра, из которых идёт пар, и массивный деревянный чан на колёсах. Колёса скрипят по каменному полу, а вместе с ними в комнату тянется запах горячей воды, трав и чего-то едва пряного.

- Генерал велел, - тихо произносит старшая из женщин, не поднимая глаз. И отчего-то мне кажется, что делает Ауримант это не столько для меня, сколько для себя, чтобы вечером затащить снова в постель. Но моя клятва исполнена, и больше я там не окажусь по своему желанию.

- Я в состоянии всё сделать сама, - пытаюсь поставить границы, но здесь я пленница, с которой будут делать всё, что приказано. Даже мыть против воли.

Делаю шаг назад, но сопротивляться бессмысленно: они действуют быстро, привычно, будто делали это сотни раз. Чан устанавливают у камина, заливают кипятком, разбавляют холодной водой и бросают внутрь горсть сушёных трав. Пар поднимается густым облаком, и воздух наполняется терпким ароматом шалфея и сосновой смолы.

- Вам не обязательно..., - пытаюсь возразить, но руки служанок мягко, хотя и непреклонно, касаются моих плеч.

Словно я вещь, которую необходимо вымыть и подготовить. Снимают с меня одежду, не обращая внимания на протесты, и усаживают в воду. Спасибо ещё, что мальчишек выдворили за дверь, иначе бы я и вовсе сгорела со стыда.

Жар разливается по телу, но вместе с ним приходит и ощущение унижения: чужие руки с мочалками и маслами скользят по коже, тщательно смывая пыль дороги, кровь и запах дракона. Чувствую себя не целителем, а наложницей, экспонатом, который готовят для выставки. Мочалка из переплетённых стеблей какого-то растения больно царапает кожу.

- Хватит! - говорю резко, но они не останавливаются, пока не уверены, что ни грязи, ни запаха путешествия во мне не осталось. Лишь тогда подают полотенце: большое и мягкое, и начинают обтирать, словно я ребёнок.

Следом приносят платье. Оно явно принадлежало какой-то знатной даме: длинное, с высоким воротом, тяжёлое от вышивки золотыми нитями. Ткань бордовая, глубокого винного цвета, на ощупь плотная, холодная. Я пытаюсь удержать полотенце, но его легко выдёргивают, и на меня насильно надевают это одеяние власти. Лиф плотно стягивают на груди, корсаж затягивают так, что дыхание становится резким и коротким. Да у меня скоро начнётся асфиксия!

Я не питаю любви к подобной одежде. Сперва привыкала к простым платьям, так сильно отличающимся от удобных вещей из моего мира, а теперь становлюсь куклой в руках

кукловода, который намерен со мной играть. И сейчас его решение – вырядить меня в парчу.

Зеркала в комнате нет, но чувствую, что выгляжу чужой. Не врач, не женщина, которую уносила река своей судьбы, а марионетка, одетая для чужого спектакля. Служанки замечают мою растерянность и желание осмотреться. Приказывают мальчишкам, стоящим за дверью и, возможно, подглядывающим в замочную скважину за моим купанием, доставить ко мне в комнату зеркало.

Спустя несколько минут они вносят довольно массивный прямоугольник в старинной раме, который ставят в углу, подпирая тяжёлыми статуэтками.

- Эрд Вальт ждёт, - произносит старшая служанка и делает приглашающий жест, пока я смотрю на своё раскрасневшееся от банных процедур лицо и трогаю приятную на ощупь, но отвратительную на цвет ткань, которая мне совершенно не идёт.

Меня выводят в коридор. Шаги отдаются гулко, золото вышивки на вороте натирает шею, будто клеймо. Обёртка, которую с меня непременно снимут, когда захотят, и мне вдвойне ненавистно это вычурное платье.

Иду, сопровождаемая слугами, словно трофей на показ, спускаясь на первый этаж, где размещена столовая, в которой горит камин и световые шары. За длинным столом с несколькими блюдами сидит в одиночестве генерал. Его фигура кажется ещё более массивной в полумраке, глаза отсве-

чивают янтарём. Несколько слуг стоят навытяжку, подпирая стену, и стараются откровенно не пялиться в мою сторону. Но и они, и я понимаем: им жутко интересно, кто я такая.

Когда подхожу ближе, Ауримант отрывается от кубка и медленно скользит по мне взглядом, как охотник по добыче. Будто решает, хороша ли дичь?

- Садись, - произносит спокойно, указывая на место рядом. И в его голосе нет ни тепла, ни жестокости. Только привычка повелевать.

Я видела фильмы, в которых за одним концом сидит муж, а жена размещается напротив. Тогда я не понимала, в чём соль находиться настолько далеко друг от друга. А теперь разочарованно смотрю на пустое место передо мной, где с радостью бы разместилась.

Слуги провожают меня к генералу, будто боятся, что сбегу, и тут же отступают в тень, растворяясь в стенах, как только усаживают от него по левую руку. Оказываюсь лицом к лицу с Вальтом, который сидит на высоком кресле, больше похожем на трон. Его поза расслабленная, но в каждом движении власть.

- Ешь, - говорит он негромко, но так, что отказа не предполагается. - Дорога была долгой.

Генерал сам берёт кусок мяса, кладёт на свою тарелку, а затем кивает слуге, чтобы тот наполнил мою. Мне подадут кусок дичи, печёную картошку, немного овощей. Всё вкусно пахнет, но аппетита нет. Беру в руки вилку, лишь чтобы не

показывать слабости.

- В Акрионе не принято голодать, - добавляет он, чуть усмехнувшись. - Даже у пленников должен быть крепкий дух и сильное тело. Иначе они слишком быстро ломаются.

Глава 21

На серебряных подносах - жаркое из дичи, золотистая корочка блестит от специй и масла. Рядом блюда с тушёными овощами, миски с густыми соусами, свежий хлеб, ещё тёплый, и тонко нарезанный сыр. И когда они только успели всё это приготовить?

В кувшинах - прозрачная вода с дольками цитрусов и вино. Всё это выглядит изысканно, но слишком вычурно для обычного обеда, словно каждое блюдо здесь выставлено не ради насыщения, а чтобы напоминать: хозяин может позволить себе всё.

Ауримант не торопится есть. Он держит кубок в руках и наблюдает, как я сажусь. Его взгляд скользит медленно, слишком пристально. Чувствую себя не гостьей и не пленницей, а чем-то средним между ними, и это ощущение хуже любого из крайностей.

Фраза сказана обыденно, как рассуждение о погоде. Но в ней - холодное предупреждение.

Пробую кусочек мяса. Оно мягкое, пряное, с дымком. Вкусно до дрожи, и оттого ещё большее: этот обед подан не ради моего удовольствия, а ради его игры, которая может изрядно затянуться. Могу ли рассчитывать на то, что он отпустит меня, когда всё закончится? Или это лишь пустые надежды?

Ауримант наклоняется чуть ближе, ставит кубок на стол.

- Ты теперь под моей крышей, Ива. Запомни: в моём доме никто не умирает от голода. Но и никто не живёт как ему вздумается.

И в этот момент даже вкусное мясо становится горьким, как пепел. Он каждую минуту станет напоминать о том, что я здесь не по доброй воле?

Рука застывает с вилкой над тарелкой. Слова генерала падают в тишину, словно камень в колодец, и расходятся волнами, обдавая холодом.

- Вашу повязку следует сменить, - сбрасываю с себя оцепенение, спеша напомнить, что я всё же лекарь. Удивительно, но за этот месяц совершенно не боялась снова погибнуть, считая происходящее подобием сна. Но теперь отчего-то генерал поселил во мне непреодолимое желание жить.

- Теперь это не твоя забота, мой лекарь займётся раной.

Незаменимых не бывает. Но так даже лучше. Лишний раз не оставаться с ним наедине.

Ауримант снова берёт кубок, делает глоток и, словно ничего не произошло, возвращается к еде. Для него это будничная беседа. Для меня - приговор.

- Меня не будет какое-то время, следует навестить столицу. Но не обольщайся, сбежать у тебя всё равно не выйдет, - зачем-то добавляет. – С Облачных утёсов можно лишь каменем вниз для таких, как ты. Не драконов, - уточняет. – Это место для избранных. Оно не просто в горах, оно парит над

землёй в сотне метров. Ни лестниц, ни дорог. Ни-че-го, что связывало бы этот район с простыми смертными.

- Признайтесь, это приносит вам удовольствие? – теряю терпение.

- Что именно?

- Запугивать людей. Кажется, без этого вы не сможете казаться себе могущественным и непобедимым. Великий генерал драконов! – смеряю его презрительным взглядом, пока позади по струнке застыли слуги. – Вас нельзя любить, лишь бояться!

- Меня не надо любить, - цедит он сквозь зубы, смотря мне прямо в глаза, и я выдерживаю этот взгляд. - Ты ещё не поняла, - продолжает он, слегка склонив набок голову. - В Акрионе сила решает всё. Слабых здесь не держат.

- Выходит, или я сильная, или не пленница, - решаю подловить его на слове, и Вальт тянет улыбку.

- Остра на язык. Но так даже интереснее. Не люблю безмолвия и раболепства. Но и непослушания не потерплю.

Он говорит просто, без нажима, будто рассказывает свод правил, по которым живёт целая империя. Но каждое его слово прибавляет меня к месту сильнее любого замка.

Невольно бросаю взгляд на двери: тяжёлые, с коваными петлями. Даже в столовой такие, словно она намерена выдержать осаду. Но если удастся выйти за пределы замка, дальше ворота. А за ними, так полагаю, обрыв. Тюремны лучше и придумать нельзя.

- Кстати, мясо очень вкусное, - решаю сменить разговор, перетекая в иное русло. – Ваша кухарка выше всяких похвал.

- Это эльф. Я привёз его однажды из похода, с тех пор он здесь.

- Ещё один трофей? – не могу сдержаться.

- Лац здесь по доброй воле. Я плачу хорошие деньги.

Ничего не говорю, но он видит сомнения в моих глазах.

- Он бы сказал тебе об этом сам, но не сможет.

- Почему?

- У него нет языка.

И что-то мне подсказывает, что причина тому генерал.

В этот момент служанка ставит передо мной тарелку, и сердце пропускает удар, а потом принимается биться всё быстрее и быстрее, застревая в горле. Смотрю на посуду, не в силах оторвать взгляда.

Не может быть!

Глава 22

Сердце бьётся так, что я слышу его стук в ушах. Передо мной стоит простая, на первый взгляд, фарфоровая тарелка: белая, с тонким золотым кантом и нежными синими узорами. Цветы, витые линии, витражные завитки. Красиво, но обыденное, если бы не одно «но».

Улитка.

Совсем крошечная, вплетённая в рисунок так, что можно и не заметить. Но я вижу её сразу. Такая же, какую Ваня рисовал сотни раз, словно его маленький личный знак. Он придумал её после того, как мы читали старую сказку про мальчика, который нашёл в лесу волшебную улитку. Она говорила с ним и умела показывать дорогу домой, как бы далеко он не заблудился. Ваня тогда долго смеялся: «Мама, она медленная, но всегда знает путь!» С тех пор он рисовал улиток где только мог: в тетрадках, на салфетках, на запотевших окнах, определив её своим тотемом.

Помню, как ловила себя на раздражении: опять эта дурацкая улитка! Но он улыбался так серьёзно и в то же время по-детски светло, что я смиралась.

И вот теперь она здесь. На посуде в доме драконьего генерала, за тысячи миров от того места, где мы с Ваней были счастливы. И мне хочется реветь от того, что я вновь её вижу.

Моргаю несколько раз, пытаюсь убрать видение, но она

остаётся. Как и генерал, которому неясно моё затянувшееся молчание.

- Ива, - называет моё имя, и поворачиваю голову в его сторону. - Ты будто увидела привидение. Не нравится еда? Я велю заменить.

Он щёлкает пальцами, и тут же около меня вырастает слуга, протягивая руку к тарелке.

- Нет, - нахожу в себе силы ответить, хватая вилку, чтобы перекрыть доступ к посуде. – Всё в порядке, просто немного задумалась.

- О чём же?

- О ваших словах, - нагло вру, вспоминая, о чём мы говорили в последнюю очередь. Кивок головы генерала, и слуга уходит за мою спину.

- Каких именно? – настаивает Ауримант о разговоре, а у меня душа испуганно трепыхается, крича, что Ваня здесь. Мой мальчик где-то в этом мире, и я просто обязана его разыскать.

- Каких именно? – переспрашиваю Вальта машинально, не в силах собраться с мыслями, чтобы вести с ним подобающую беседу. У меня выбили почву из-под ног, и теперь пытаюсь восстановить равновесие, как можно скорее. На глаза попадает мясо, которое я хвалила. Потом был диалог о кухарке, и я узнала, что эльф нем. Цепочка выстроилась в голове. – О намёке на отсутствие языка, - выхожу из положения.

Генерал хмыкает.

- Думаешь, я настолько жесток, что стану наказывать слуг отсечением языков? – его брови складываются домиком, а у меня возникает непреодолимое желание потрогать место с улиткой. Вдруг она размажется под моими пальцами? Значит, ребёнок где-то в замке. Или не ребёнок? Или я пытаюсь выдать желаемое за действительное?

- Мы знакомы слишком мало времени, - парирую, - но милосердия я в вас не наблюдала.

Он уводит взгляд вбок, повернув голову, и ничего не отвечает, а я, улучив момент, касаюсь гладкой фарфоровой поверхности, проводя по рисунку в том месте, где прячется улитка.

- Выходит, для тебя я – чудовище. Вражеский генерал, что ломает судьбы других, идёт по головам и не признаёт доброты? – поворачивается вновь в мою сторону, и мне приходится посмотреть в его глаза.

Отчего-то на мгновение кажется, что Ауримант снял броню, давая возможность заглянуть к нему в душу. Его глаза больше жаждущие понимания, тем жёсткие и холодные. И этим взглядом он просит меня о чём-то, но эта его эмоция слишком мимолётна.

- Я этого не говорила.

Кулак врезается в столешницу так, что посуда подпрыгивает на миллиметр, а потом снова опускается со звяканьем.

- Но ты это думала, - произносит он низко, так, что голос гудит в груди и отзывается эхом в камне стен. - Вижу по тебе.

Ты слишком честная, чтобы утаить даже в мыслях.

- Вы слишком самоуверенны, - отвечаю, хотя сама слышу, как предательски дрожит мой голос.

- Нет, - Вальт откидывается на спинку кресла и сцепляет руки на груди, - я слишком опытен. Ты не первая, кто сидит за этим столом и думает, будто её судьба принадлежит ей. Но ты первая, кто осмеливается бросать мне вызов своими словами.

Слуги словно растворились в воздухе, но я ощущаю их присутствие: напряжённое, настороженное, будто они ждут, что ещё миг, и между нами вспыхнет буря.

Крепко зажимаю вилку в руке, словно ищу в этом хоть частицу опоры, и не выдерживаю.

- Если вы хотите казаться чудовищем, у вас хорошо выходит.

- А если я не хочу казаться? - он резко подаётся вперёд, и на мгновение лицо оказывается ближе, чем я готова выдержать. - Если я и есть чудовище, созданное войной?

Слова звучат без пафоса, почти устало. Но в них признание, которое пугает сильнее угроз. Маньяками не рождаются, ими делает зачастую само общество.

Не нахожу, что сказать. Горло сжимает, будто кто-то держит меня за шею невидимой рукой. Ауримант усмехается краешком губ, встаёт и берёт кубок.

- Закончи обед без меня. Мне пора. Император ждёт, а он не любит опозданий.

Он разворачивается, и шаги его отдаются в камне гулко и властно.

Я остаюсь одна за длинным столом с фарфоровой тарелкой и улиткой, что смотрит на меня из узора, как крошечный знак из другого мира.

Глава 23

Дожидаюсь, пока генерал покинет столовую и принимаюсь есть. Воровато оглядываюсь, определяя, кто из слуг самый словоохотливый, потому что я просто обязана знать, откуда прибыла эта тарелка и когда именно. Тяну время, размышляя, пока меня не прерывают.

- Может желаете перейти в комнату и там отдохнуть?

Тонкий намёк, и я киваю, соглашаясь. Тем более, что больше просто не могу есть. Решаю, что сейчас самый удобный момент, потому что со мной заговорил один из слуг.

- У генерала такая красивая посуда, можно поинтересоваться, кто же делает такие вещи?

- Я не в курсе, лана, - слегка кланяется распорядитель, кивая слугам на стол, с которого они быстро принимаются убирать посуду, но я вцепляюсь в тарелку, не желая её отдавать.

- В детстве у меня была подобная, - нагло вру. Ну а что я должна им сказать? Что рисунок принадлежит моему сыну из другого мира? Если генерал узнает, что у меня есть слабости, он обязательно сыграет на этом. Потому следует быть предельно осторожной. – Она досталась мне от умершей рано матери, и я берегла её, как самое дорогое сокровище, - пытаюсь разжалобить «публику». Но нам пришлось бежать, потому что в город ворвались мятежники, - боже, что я несу? – Тарелка разбилась, когда в нас выпустили стрелу.

Серьёзно? Стрелу? Но Остапа понесло.

- Так я лишилась не только матери, но и памяти о ней.

- Хотите забрать её себе? – подаёт голос дородная женщина, что остановилась около меня с подносом, на которую убирает грязную посуду.

- Это возможно?

Женщина поднимает взгляд на распорядителя, который, по всей видимости, не в восторге от такого.

- Конечно, - фыркает в его сторону. – Бедная девочка страдает ещё, разве нельзя хоть как-то скрасить её затворничество? Если ей приглянулась тарелка, пусть забирает.

- Прикуси язык, Гульта, - шипит на неё распорядитель. – Ты лишь посудомойка, и не имеешь никакого права распоряжаться вещами хозяина.

Женщина цокает языком и закатывает глаза, и я понимаю, что мужчина слишком строг, от него не следует ждать ничего хорошего.

Настаивать на своём желании не следует, лучше показать покорность.

- Благодарю за обед, передайте моё почтение повару, - поднимаюсь с места. – И если кто-то вспомнит, где всё же была приобретена тарелка – буду признательна, если поделитесь.

В комнату меня сопровождает одна из служанок. Она молчаливо бредёт тенью по коридорам, указывая путь. Толкает дверь, приглашая внутрь, а затем закрывает её. Момент сво-

боды лишь видимость: замок снова тихо защёлкивается железом, и я остаюсь в четырёх стенах с чужой обстановкой и собственной тревогой.

Блуждаю по комнате, шагаю из угла в угол, не зная, чем заняться. Не привыкла сидеть без дела, постоянно чем-то занята, а теперь просто жду, когда кому-нибудь понадобится за мной прийти.

Смотрю в окно: внизу двор полон движения. На площади перед замком Ауримант говорит с какими-то людьми, указывая в сторону моего окна. Они поднимают головы, и я отшатываюсь, боясь быть замеченной. Словно это невыносимо стыдно.

Наблюдение не оставляю, просто стою поодаль, вытянув шею. Закончив отдавать распоряжения, Вальт совершает трансформацию, и вот уже передо мной огромный чёрный дракон, который тут же взмывает в небо. Мгновение, и его клонит на одну сторону, словно он вспоминает о ране и пытается договориться с ней, а потом поднимается выше, совершает облёт над зданием и устремляется в сторону навесного моста. Выходит, Варруген там.

Смотрю вслед, сердце дергается как натянутая струна. Генерал становится маленькой точкой, пока совсем не исчезает из вида. Неужели, нужда отправиться в столицу настолько сильна, что он пренебрегает здоровьем, лишь бы оказаться там?

Но это значит одно: пока меня никто не тронет.

Проходит минут тридцать, когда замок хрустит снова. Ожидаю увидеть кого угодно, но не мальчишку лет восьми, который быстро юркает внутрь. Воровато оглядывается, пока не натывается взглядом на меня, застывшую в углу, и только затем делает несколько шагов в мою сторону.

- Меня зовут Эйхос, лана. Я - сын посудомойки, - голосок дрожит, словно мальчишка боится меня. – Вот, - добывает из-за пазухи чистую тарелку. – Мать просила передать.

Добрая женщина решила скрасить моё одиночество, буд-то чуяла материнским сердцем, насколько для меня это важно. Дождалась, когда хозяин покинет дом, когда отвернётся распорядитель, раздобыла ключ и передала то, за что её теперь будут ругать.

Отказывать неправильно, столько работы было проделано, чтобы доставить посуду сюда, и я с благодарностью принимаю из маленьких ладошек драгоценность.

- Как бы мне хотелось отблагодарить тебя хоть чем-то, - искренне говорю.

- Это пустяки, - растягивает он улыбку, и в воздухе ощущается радость от того, что он смог для меня сделать. – Вы очень красивая, - зачем-то добавляет, тут же быстро-быстро моргая, а мне приходит в голову отличная идея.

Глава 24

Родители меня всегда учили платить добром за добро, наверное, поэтому я и выбрала медицину, что хотела приносить пользу и спасать людей. Сейчас незнакомый человек ради меня рисковал, если не жизнью, спокойным существованием. И мне хотелось отплатить ей хоть чем-то.

- Если ты сможешь добыть мне некоторые ингредиенты, я приготовлю для твоей мамы крем.

- Крем? – он вытягивает указательный палец, изображая из него ложку, и делает вид, что ест.

- Нет, - смеюсь. – Крем, - откладываю тарелку на комод, принимаясь растирать тыльную сторону ладони одной руки второй. – Крем, - демонстрирую то же самое с лицом, и мальчик смотрит на меня немного удивлённо. – Принеси бумагу и ручку, - прошу его. – Я напишу, что мне понадобится.

Мальчишка неуверенно пятится к двери, но я останавливаю.

- Скажи мне, Эйхос, не удалось узнать, откуда эта тарелка?

- Её купили в прошлом году у гончара в Вальтатре, - отвечает тут же. - У горшечника Маера. Он делает посуду так давно, что люди сбились со счёта, сколько ему лет.

- А у Маера есть дети?

- Что вы, лана. Он же слишком стар.

- Подмастерье? – не теряю надежды.

- Может быть, - пожимает плечами. – Я видел его только однажды, - он исчезает за дверью.

Спасибо и на том, что теперь я знаю имя того, кого следует искать. Если, конечно, смогу выбраться из Облачных утёсов.

Маер. Маер. Повторяю, чтобы не забыть, пока за дверью слышу чей-то шёпот. Наверное, Эйхоса кто-то ждал, он-то и помог с ключом. Спустя десять минут мне доставляют листы бумаги и ручку. Пишу название ингредиентов и протягиваю мальчишке, который хмурит брови, не понимая ничего, и только теперь осознаю: написано по-русски.

- Не знаю драконьего, - пытаюсь выпутаться, забирая у него листок и тут же его комкая. – Ты умеешь писать?

- Нет, лана.

Ну да, конечно. Образование здесь непозволительная роскошь для слуг. Редкий бедняк умеет читать и писать, а также считать. Это скорее исключение из правил.

- Жаль, тогда ничего не выйдет, - грустно вздыхаю. – Куда проще было бы мне самой сходить на рынок и выбрать нужное.

Стараюсь удержать голос ровным. Что если там спросить про гончара? Потому что сидеть, сложа руки, зная, что где-то может быть мой Ваня, - глупо и неправильно. Материнское сердце рвётся из груди, желая перевернуть землю. Но что я могу?

Тут две загвоздки, конечно: заточение и отсутствие денег.

- Рынок не всегда большой, добраться сюда нелегко, об-

лачный экспресс ходит очень редко, но иногда бывают ярмарки. Завтра, например, обещали торговцев из столицы.

- Маер? - вырывается у меня, и смотрю на мальчишку, не дыша. Словно от его ответа зависят наши с Ваней жизни.

- Не знаю, может быть. Хотите пойти?

Подкидываю брови, смотря на него удивлённо. Я не ослышалась? Он сейчас действительно спросил, не желаю ли я выбраться из этой комнаты, чтобы попытать счастье разыскать сына?

- Это возможно? – стараюсь держать голос ровным, но сердце предательски громко стучит, что его должно быть слышно по всей комнате.

- Пока не знаю, попробую что-нибудь придумать. Спрошу у Ходра.

- Кто это? - мои пальцы уже предательски дрожат.

- Ходр - сторож, - шепчет Эйхос, озираясь на дверь. - Он друг мамы, иногда помогает ей таскать воду с нижних площадок. Добрый, но ворчит, будто старик. Ему можно доверять, он знает, где когда стража меняется. Если попрошу, может сказать, когда лучше пройти незамеченной.

- Эйхос, - наклоняюсь ближе, - ты ведь понимаешь, что если кто-то узнает, что ты помогаешь мне...

Мальчик кивает серьёзно, не по годам.

- Знаю, лана. Но вы же стараетесь ради мамы. К тому же я уверен, что вы не сбежите.

- Почему?

- Иначе, когда генерал вернётся, он не пощадит ни меня, ни её.

- И ты думаешь, что меня это остановит? – не верю своим ушам.

- Иначе моя мама совсем не разбирается в людях. А я не люблю, когда девушек держат, как птичек в клетке.

Сердце сжимается, но я не перебиваю. Пусть говорит.

- Я поговорю с ней сегодня вечером, - обещает. - Если получится, предупрежу.

Он слегка кивает и юркает за дверь, а я не могу прийти в себя. Неужели, появилась надежда узнать хоть что-то о Ване? Конечно, я вернусь, как иначе?

Дверь закрывается, и я остаюсь одна.

Некоторое время просто стою посреди комнаты, не зная, что делать дальше. Потом начинаю ходить из угла в угол, будто движение поможет унять дрожь. В голове вертятся только два слова: рынок и завтра. Всё остальное неважно.

Проходит не один час, прежде чем за окном солнце клонится к закату, скользя по крышам замка золотыми пятнами. Издали доносится рёв драконов, тяжёлые удары крыльев. Я подхожу к окну, смотря как в небе проносится какая-то парочка, задирая друг друга. Наверное, играют.

Вечером приносят ужин: простой суп, кусочек хлеба, немного тушёных овощей. А я всё жду какого-то знака, который скажет мне о том, что завтра всё получится. Лишь вечером, когда уже собираюсь спать, под дверью оказывается

записка.

«Завтра на рассвете будьте готовы».

Знаю одно: писал это точно не мальчишка. Тогда кто? Надеюсь, что друг. И не упущу возможность, потому что уверена: Ваня где-то в этом мире.

Глава 25

Наверное, я перечитала записку более десяти раз, чтобы не упустить ни одного слова и увериться: она не пригрезилась. Давно я так не волновалась.

Ночь опускается плотной шалью. Ложусь, но уснуть не могу: слушаю каждый шорох, каждый горестный вздох старого дома. Время тянется, и где-то глубоко в тишине слышится шаг: короткий, осторожный, как будто даже замок боится разбудить свои собственные тайны. Но никто так и не появляется, и усталость всё же даёт о себе знать, и я засыпаю.

Утро приходит, как хриплый вдох старого зверя: сперва серый туман, потом тонкий луч света скользит по полу. Я поднимаюсь с постели мгновенно, будто и не спала.

Тихий стук, едва слышный, и дверь чуть приоткрывается. На пороге стоит мужчина. Широкоплечий, с проседью в бороде, в простом грубом плаще. Лицо тёмное, обветренное, глаза внимательные, как у тех, кто привык смотреть в оба.

- Ходр, - коротко представляет он себя и протягивает мне тёмную накидку с глубоким капюшоном. - Наденьте.

Молча повинуюсь, чувствуя, как от ткани исходит запах пота и навоза. Он жестом показывает - за мной, и выходит первым.

Мы идём по пустым коридорам. Замок словно вымер, а, может, продолжает спать, не ожидая, что его заключённая

покидает свою темницу. Не знаю, что будет, когда слуги заметят моё отсутствие, но сейчас важно другое: добраться до ярмарки.

Воздух ещё не прогрелся, и я кутаюсь в старый плащ, пытаясь не замечать его отвратительного запаха. Здесь высокогорье, даже нет, место выше самых высоких гор, насколько поняла.

Стараюсь не шуметь, но сердце бьётся так громко, что боюсь, его услышат.

Выходим во двор, где туман клубится, обнимая башни, словно пытаюсь спрятать нас. У ворот уже ждёт женщина с двумя большими корзинами. Крупная, с усталым, но добрым лицом. Она кивает мне, протягивая одну, и я принимаю, не осознавая, для чего она мне.

- Если стражи спросят – скажите, что моя помощница по плетению, - тут же поясняет женщина. – Идём на рынок торговать кружевами.

Ходр опускает мне в ладонь несколько монет перед прощанием.

- От Гульты. Сказала, что ей нужен ваш крем. Руки болят, будто огнём жжёт.

- Спасибо, - шепчу, и, кажется, впервые за долгое время хочу улыбнуться. Удивительно, как всё складывается, даже не верится.

Женщина поправляет платок на голове, скрывая волосы, и мы трогаемся. Ходр остаётся у ворот, только коротко кивает

нам вслед.

- Я - Селина, - произносит она негромко, когда мы сворачиваем к длинному мосту. - Подруга Гульты. Она добрая, хоть и с языком острым. Сказала, что вы умелая. Лекарь, верно?

- Что-то вроде, - осторожно отвечаю.

- И вы из столицы?

- Можно и так сказать, - выдыхаю. Лгать становится легче. Как будто каждое слово добавляет защиты. - Приехала по приказу генерала, чтобы присматривать за ранеными.

Она понимающе кивает, но взгляд её всё же оценивающий, изучающий. Ну не скажу ведь я ей правды?

- Странно, что вас держат в покоях, а не в лазарете.

- Приказ. - Одно слово, и разговор будто наталкивается на стену. Селина не настаивает, только хмыкает и поправляет корзину.

Мы подходим к мосту.

Он кажется бесконечным: узкие доски, натянутые между двумя парящими островами, покачиваются под ногами. Под ними – бездна: чёрная, бездонная, и даже туман туда не добирается. Но сейчас её не видно: ночь ещё цепляется за край неба.

Воздух плотный, холодный, влажный. Мы идём осторожно, стараясь не смотреть вниз. Корзина постоянно мешает, но я не говорю на этот счёт ни слова. Где-то вдалеке слышится пение утренних птиц, и впервые за долгое время чувствую

вкус свободы, пусть зыбкой, как этот мост.

Когда солнце, наконец, поднимается, мир расцветает. Свет заливает вершины скал, и я замираю, поражённая: передо мной открываются Облачные Утёсы во всей красе.

Огромные пласты земли, парящие в небе, соединены тонкими мостами и подвесными дорогами. На одних - башни и дома, на других - поля, где в утреннем мареве шевелится трава. Из некоторых островов струится вода. Целые потоки, превращающиеся в дождь, прежде чем достигнут земли внизу, которой не видно вовсе. Всё вокруг живёт, движется, дышит небом. Это удивительный мир.

Мы идём дальше, и постепенно до ушей доносится гул голосов.

Рынок.

Он раскинулся на широком, укреплённом уступе, где доски мостков соединяются в площадку. Уже кипит жизнь: торговцы выкладывают ткани, фрукты, амулеты, кто-то торгует жареным мясом, кто-то книгами, кто-то блестящими стеклянными фигурками, переливающимися всеми цветами радуги. Воздух наполнен ароматом пряностей, жареного теста и свежего ветра.

Едва сдерживаю волнение. Там, среди керамических прилавков, может быть он - Маер. Или же Ваня.

Селина трогает меня за плечо.

- Не отходите далеко. Много чужих. Если кто спросит, помните: вы моя помощница.

- Поняла, - отвечаю, уже скользя взглядом по рядам, где поблёскивает глина, глазурь и узоры. Зажимаю в руке выданные Хольдом монеты, и направляюсь в сторону горшечников.

Маер.

Имя стучит в висках, как зов.

Глава 26

Брожу вдоль прилавков, высматривая улитку, но, как назло, ничего похожего. Посуда искусная, очень красивая, только для меня ничто в сравнении с той, что нужна мне.

Пахнет глиной, свежими красками, дымом от жаровен. На одном из прилавков, ближе к краю площадки, замечаю аккуратно разложенные кувшины и миски точь-в-точь в том же стиле, что и «моя» тарелка. Тонкие линии, плавные узоры, мягкие цвета, в которых что-то по-детски искреннее.

Подхожу ближе. За прилавком стоит мужчина с широкими ладонями и морщинистым лицом, из тех, кто руками творит больше, чем словами.

- Из Вальтатры? - спрашиваю, стараясь, чтобы голос не дрожал.

- Так точно, лана, - отвечает он, чуть кланяясь. - Гончарное дело там старое, почтенное. У меня был отличный учитель.

- Маер? – уточняю, и лицо человека расплывается в улыбке.

- Воистину, слава о нём доходит до небес.

Мужчина прикладывает руку к груди, слегка кланяясь.

- Почту за честь продать вам что-то.

И он тут же выхватывает изумительную вазочку, принимаясь крутить её перед моим носом и тараторить.

- Обратите внимание на тонкое горлышко и изящные изгибы боков, будто глина вытянула губы, чтобы спеть вам свою песню. А вот здесь, - тычет толстым пальцем на донышко, и я ловлю себя на мысли, что не понимаю, как такие руки могут выполнить настолько тонкую работу.

- Очень красивая вещь, - соглашаюсь с ним, но по моему незаинтересованному лицу он понимает, что лучше предложить мне что-то другое, иначе уйду к следующему торговцу.

- Тогда тарелки. Как только гости увидят такие, забудут о том, зачем к вам пришли. Любое блюдо покажется невероятно вкусным, - он спохватывается. – Конечно, вы не держите плохих блюд, но только подумайте...

- Скажите, а нет ли среди вашей посуды той, где есть улитка?

- Улитка? – хмурит он брови. – Улитка, - тут же понимающе кивает. – Я дам вам лучше! Вот, - и перед моим лицом появляется широкое блюдо с райскими пёстрыми птицами. – К чему невзрачный слизняк, когда есть такая красота?

- Улитка, - настаиваю на своём, и мужчина понимает, что я – плохая клиентка. Та, что лишь смотрит, но не покупает.

- Ищите у других, - машет в сторону, высматривая новую жертву.

- Ваши работы чудесны, но я хотела бы увидеть самого Маера.

- Тогда вам придётся спуститься с небес на землю, - усмеяется он. – Старик не перенесёт такой дороги. Он почти не

выходит из дома.

- Наверное, у него есть помощник?

- Бездарный мальчишка, что попусту тратит своё время и чужую глину.

Сердце трепещет в груди, приближаясь к правде.

- Но мне некогда говорить с вами, я здесь для другого. Не загораживайте товар, - пытается он отогнать меня.

- Опишите его, пожалуйста, - хватаю гончара за рукав, когда он намерен уйти, и он смотрит непонимающе на этот жест.

- Учителя?

- Мальчика.

- Обычный голодранец, которого пригрел старик. Кажется, рыжий, несуразный и немой.

Конечно, описание не подходило на моего светловолосого красивого мальчика с голубыми глазами. Но если я заняла чужое тело, то и он мог это сделать. Кто знает, сколько в этом мире тех, кто получил второй шанс? Может все вокруг притворяются кем-то другим. А что касается немоты – Ваня был немногословен. Может и теперь его кроткий нрав принимают за увечье.

- А как долго он живёт у вашего учителя?

- Откуда мне знать? Вы тарелку покупать будете?

- Скажите, это очень важно.

Наверное, что-то в моих глазах трогает его, что он задумывается.

- Не знаю, - бурчит, - пять лет, - горькое разочарование расходится в груди. Это не он, - может, три года, - снова предполагает, и сердце ёкает. Это Ваня, это мой мальчик! Он ушёл от меня три года назад.

Не слышу ни гула голосов, ни шелеста ветра. Всё растворяется. Только слова гончара, будто ключ, отпирающий запертую часть сердца. Перед глазами вспыхивает образ: мой мальчик, сидящий за столом, увлечённо рисующий улитку на краю листа. Маленькая спираль, смешной хвостик - его подпись на каждом рисунке.

- Имя у него ещё такое странное, - меж тем продолжает собеседник.

- Иван? – не могу сдержать эмоций, выдыхая имя своего сына.

Мужчина хмурит брови, будто пытается понять, зачем мне вообще нужен мальчишка, а потом качает головой.

- Нет, другое. Ёр, - пытается вспомнить, - Ёж, - не вспомню, - качает головой.

- А как...

Но договорить не успеваю, потому что кто-то дёргает у меня корзину из рук, монеты сыпятся по ноги, укатываясь пятью кругляшами в разные стороны, а вор быстро скрывается между людей, что не успеваю осознать, куда именно.

- Даже здесь ворё, - качает головой гончар, поднимая ака-ты и протягивая их мне. Только одного не досчитываюсь. Оглядываюсь, разыскивая, но несколько женщин оттесняют

меня от прилавка, и гончар посвящает своё время им.

Что мне теперь сказать женщине, которой вскоре следует вернуть корзину?

Закрываю глаза, и горло сжимает судорогой. Мир вдруг становится нестерпимо светлым и хрупким.

Он жив.

Прижимаю руку к груди с оставшимися акатами, чувствуя, как бьётся сердце. Оно не просто стучит - оно зовёт. Хочет вырваться наружу, туда, где мой ребёнок.

Слёзы текут сами: горячие, тихие. Никто не замечает, все спешат, торгуются, смеются. А я стою, будто в безмолвии между двумя мирами: тем, в котором я когда-то потеряла сына, и тем, который вдруг вернул мне надежду.

Три года он здесь дышит тем же воздухом, что и я теперь. Смотрит на те же облака.

Стираю слёзы тыльной стороной ладони, собирая себя обратно по кусочкам. Теперь у меня есть цель – во что бы то ни было попасть в Вальтатру.

Глава 27

- В Вальтатру ходят торговые караваны по южной дороге. От Облачных утёсов два дня верхом по перевалу до первой станции. Там берут плату за провоз, а дальше ещё три дня до самой Вальтатры, если погода не шальная. Но, - останавливается информатор, проверяя нет ли подслушивающих, - сейчас по дороге много патрулей. Если пойдёшь сама, рискуешь быть остановленной. Лучше скрыться в составе рабочей колонны или попросить у кочевников место в их караване. Либо заплатить человеку у ворот, чтобы выпустил тебя под видом торговли.

А генерал говорил, что проход сюда закрыт всем пустогласам. Выходит, лгал.

- Сколько? – спрашиваю цену, понимая, что она будет дорогой.

Видно, что человек, с которым я завела разговор, зарабатывает на жизнь не самыми правильными способами. Но именно такой мне и нужен, чтобы покинуть это место.

- Сто акатов – и свобода, - соблазняет меня, подкидывая брови. – Соглашайся.

Даже если наступить на горло собственной совести и предать тех, кто мне помог добраться сюда, я не смогу оплатить побег. В кулаке лишь 4 монеты, на которые следует купить ингредиенты для крема.

- Я подумаю.

Он хватает меня за рукав, когда намерена уйти.

- Семьдесят, но цена последняя.

Уже лучше, но всё равно дорого.

- Раздобуду деньги и разыщу тебя.

- Спроси Анцара, - говорит на прощанье.

- Вот ты где, - звучит над самым ухом, и я вздрагиваю, оборачиваясь. Передо мной подруга посудомойки. – Пора обратно, пока не хватились. А где корзина? – замечает она, что мои руки пусты.

- Простите, её украли. Всё произошло очень быстро.

Мне действительно неловко, но оплатить утрату не могу.

У меня попросту нет денег.

Она лишь машет в мою сторону рукой, разворачиваясь, чтобы уйти, а я понимаю, что Анцара и след простыл.

- Надо кое-что купить перед уходом, - останавливаю её фразой, - это для Гульты.

Входим в тесную лавку, где пахнет травами и маслом. На полках стоят стеклянные пузырьки, холщовые мешочки с мелкими травами, глиняные ступки. Называю то, что нужно: оливковое масло для мягкости, пчелиный воск для основы мази, сушёные шалфей и ромашку для успокоения, капля лавандового экстракта от боли в руках и немного тертого прополиса для антисептика. Женщина берёт монеты и быстро, с привычной ловкостью, укладывает всё в тряпицу, умело заворачивая.

- Вот, - протягивает мне, и, поблагодарив, мы выходим.

Идём молча. Селина то и дело озирается по сторонам, словно боится, что за нами может быть слежка. Я тоже начинаю высматривать подозрительных личностей, но не подходит или никто или кажутся странными сразу все.

Добираемся до моста, где расшалился ветер, потряхивая навесную конструкцию, что неровен час с неё можно сорваться и упасть. Куда? Наверное, на землю, которая невероятно далека отсюда, потому что мы словно ходим по облакам.

Около высоких распашных ворот Селина прикладывает руку рупором ко рту и кричит какой-то птицей. Наверное, это сигнал.

- Мне пора, - говорит, тут же сбегая, не дожидаясь, пока выйдет Ходр. И её шаг слишком быстрый. Может, она почувствовала нависшую угрозу заранее, потому что вместо доброго лица старика вижу налившееся гневом генеральское.

- Ауримант, - выдыхаю, чувствуя, как холодеют внутренности. Его зрачки заполняют чернотой янтарь радужки, руки зажимаются в кулаки, а желваки ходят на лице.

- Где ты была? – рычит, хватая меня за плечо, с силой втаскивает на территорию двора, и я округляю глаза от ужаса. Здесь на импровизированном помосте разместились виселица: жесткая, деревянная конструкция, на которой стоят Ходр, Гульта и её сын со связанными за спиной руками. Те люди, что рискнули ради меня своими жизнями.

Глава 28

На моих глазах разворачивается драма: трое слуг генерала сейчас могут попрощаться с жизнями, и я виновница этого.

Под ними небольшие пеньки, с которых они вот-вот норовят упасть, а на шее верёвка.

- Нет, - шепчу, прижимая к себе свёрток, что купила на рынке. – Пожалуйста, Ауримант, не делай этого! Я здесь, я вернулась! Накажи меня.

- Обязательно, - хмыкает он, не достаивая меня взглядом. – За то, что вы послушались своего эрда, я приговариваю вас к повешенью, - звучит громко и грозно рядом. Неужели, так просто распоряжаться чужими жизнями?

Ходр смотрит лишь себе под ноги, мальчишка тихо плачет, а Гульта не отводит от меня испуганного взгляда.

- Я сделаю всё, что вы скажете, - обещаю генералу.

- Ты сделаешь это в любом случае.

Бросаюсь вперёд к эшафоту, роняя под ноги воск и ромашку, надеясь успеть спасти хоть кого-то, но Вальт дёргает меня за плащ так сильно, что шнурок накидки врежется в горло, перекрывая доступ к кислороду, и я отшатываюсь назад.

- Приступай, - слышу вновь голос Ауриманта, и страж вскакивает на постамент, выбивая первую чурку.

- Нет, - хриплю, увлекаемая отсюда. – Нет, нет, - смотрю

с ужасом, как корчится в судорогах Хорд, а за ним падает Гульта.

Сила разворачивает меня, увлекая за собой, и я больше не вижу, что творится за моей спиной.

- Я говорил, что не привык к непослушанию. Ты заплатишь за своё высокую цену.

Хочется бросаться на него, рычать, бить, выхватить нож, который он носит за поясом, и вонзить ему в сердце. Хотя теперь я уверена, что его нет. Сердца попросту нет у таких, как Ауримант. Но вспоминаю Ваню, и превращаюсь в куклу. Ту куклу, которую так желает видеть этот негодяй: податливую и безмолвную. Куклу, что сделает всё лишь бы остаться живой ради сына.

Моя душа рыдает: громко, с болью и стенаниями. Но эти крики слышны лишь мне, я не позволю им вырваться на волю, не доставлю удовольствия тому, кто упивается этой болью.

Мы добираемся до невысокой каменной круглой кладки, и понимаю: это колодец. Зачем Вальт привёл меня сюда?

- Почему ты сбежала, Ива?

- Сбежать, это уходить от места, которое тебе ненавистно, а не возвращаться в него, - говорю сипло, потому что он пережал мне связки.

- Ты ходила к торговцам? Зачем?

- Купить воск и травы для Гульти. Сделать крем для её рук.

- И думаешь, я поверю?

- Прикажете найти на земле свёрток, всё там.

- А тарелка?

Меня окатывает жаром. Он знает о тарелке? Лучше умереть, чем рассказать ему о Ванечке. Это чудовище разыщет его лишь затем, чтобы причинить боль мне.

- Да-да, тарелка. Что она для тебя значит? – его радужка загорается янтарём, и он отчего-то смотрит не в мои глаза, а куда-то ниже, на область груди. Даже сейчас он желает близости?!

- Ничего.

- Лжешь! – его пальцы стискивают моё горло лёгким нажимом, напоминая, что лишь от него зависит: жить мне или умереть.

Мир сужается до звона в ушах, до странного золотого свечения перед глазами.

- Тебе нужна улитка? Или тот, кто её нарисовал? – генерал даже не представляет, насколько близок к разгадке.

- В детстве, - хриплю, и он ослабляет хватку. – В детстве у меня была похожая тарелка, что осталась от матери. Она напомнила мне о счастливых днях, которые мы провели вместе.

- Маленькая лгунья, - шепчет он на ухо, разнося мурашки по коже. – Я знаю про мальчишку. Ты же его ищешь? – упивается он моим страхом, а в груди неимоверно жжёт. Так сильно, будто мне вскрывают грудную клетку. – Кто же он

для тебя, Ива? – последнее, что слышу, а затем толчок.

Резкий, внезапный. Плечо, под которым я стояла, исчезает, и меня подбрасывает вверх и резко вниз, прямо в чёрную пасть колодца.

Глава 29

Мир вспыхивает болью. Удар грудью о холодный камень, потом плечом, потом спиной. Где-то высоко - крохотное окно света. Обод колодца сияет, как ободок пламени, а над ним тёмная фигура, заслоняющая день.

Ауримант.

Он стоит прямо над отверстием, глядит вниз. Я вижу лишь силуэт, чёрные очертания против солнца. Чудовище во плоти.

Пара секунд, и приземляюсь на что-то мягкое, что пружинит вверх, словно покрывало, а потом успокаивается. Воздух вылетает из лёгких, и я какое-то время не могу вдохнуть. Секунда, и всё тело откликается тупой пульсацией. Каменные стены колодца сходятся вокруг, пахнет сыростью и железом.

В висках стучит кровь. Я лежу, не двигаясь, чувствуя, как каждая кость протестует против происходящего, но я всё ещё жива. Жива!

Движение – и спина касается пола, а покрывало, это всё же оно, разворачивается, являя четырёх мужчин. Они здесь были намеренно, чтобы поймать меня. Значит, генерал не намерен убивать, лишь издеваться, упиваясь моим страхом?

Пытаюсь подняться и сперва сажусь, перекатываюсь на колени. Это не колодец, а подземная комната, освещённая ма-

гическими шарами. На одной из стен цепи с большими кольцами, будто здесь держали человека не дюжей силы. В том, что именно человека, сомневаться не приходится, ведь цепи заканчиваются наручниками.

Тишина нарушается монотонным капаньем воды откуда-то с потолка и дыханием слуг. В довесок добавляется звук шагов, которые становятся всё ближе. И я замираю, ожидая, что сейчас кто-то войдёт.

Не кто-то – монстр. Снова Ауримант, и я смотрю на него со смесью ненависти и злобы.

- Она не пострадала? – задаёт странный вопрос. Не он ли минуту назад бросил меня сюда? Чтобы затем спуститься и спросить не пострадала ли я? Псих!

- Кажется, нет, - отвечает один из мужчин, по всей видимости не слуга.

- Камень?

- Увы.

В несколько шагов генерал оказывается рядом, опускаясь на колени, и внимательно вглядывается в мои глаза, а я проклиная его всем своим естеством: молча, через взгляд и миимику. Его глаза горят янтарём, в них светится пламя в объятьях тёмной непроглядной ночи.

Генерал протягивает руку, намереваясь коснуться моего лица, но я отшатываюсь от него, как от прокажённого.

- Не трогай меня! – рычу, гордо вскидывая голову. Обращаться к нему на «Вы» теперь не вижу смысла. Так прояв-

ляется уважение. И пусть он трижды эрд, богатый и знатный, но мне не за что его уважать!

- Ива, - в голосе нет стали, а будто просьба. – Мне нужно тебя осмотреть.

- Ты распоряжаешься чужими жизнями, как захочешь. Возомнил себя Богом? – меня колотит от пережитого шока, а в голове бьётся мысль: я должна спасти Ванечку.

Но как это сделать, когда мной играют, словно марионеткой?

- Так было нужно, - говорит жёстче, но всё равно слишком мягко для самого себя.

- Ты – чудовище! Монстр в человеческом обличие, рождённый мучить. И если боги действительно существуют, отчего они не покарают мучителя?

Вижу, как посерело его лицо, как ходят желваки, как темнеют глаза, покрывая янтарь тьмой.

- Да, я чудовище. Потому что мир не переживёт ещё одного добряка, - отвечает на это, хватая меня за плечи. – Не двигайся, - хмурит брови, что-то рассматривая в моих глазах, и я выдерживаю этот взгляд.

- Что ты чувствовала?

- Когда ты убил этих несчастных? – спрашиваю нервно. – Или когда ты бросил меня в колодец?

- В любой из этих моментов.

- Какое же ты чудовище, - выдыхаю, чувствуя, как безысходность подкатывает к горлу спазмами.

- Скажи, - встряхивает меня, будто теряет терпение. Вытягивает руку в сторону, и тут же в неё ложится какая-то игла, переданная помощником.

- О, теперь ты станешь меня истязать дальше? – дрожу в его ладонях, не отрывая взгляда от тонкого стального носа.

Ваня.

Неужели, я снова тебя потеряю? Только на этот раз не ты уйдёшь, а я. Это буду я.

- Ива, пожалуйста, - просит генерал.

- Пожалуйста? – ахаю, чувствуя, что со мной что-то происходит. Кажется, это видит и Ауримант.

- Ива, будь со мной, - зовёт меня сквозь пелену, и боль пронзает руку.

Скашиваю глаза вниз. Капля набухает на кончике указательного пальца, но не падает, как обычно, а, отделившись от кожи, висит в воздухе, мерцая и переливаясь радугой. Но кровь не бывает такой!

Что это? Силуясь понять, но сознание расконцентрировано, и мысли ускользают.

- Ива, - ладонь Вальта скользит по моему лицу, пока я, откинувшись, лежу на его коленях, смотря на белый круг надо мной.

Где-то вдали кто-то говорит, голоса будто проходят сквозь толщу воды. Мир качается, звуки расплываются, а сознание утекает, как песок сквозь пальцы.

- Ты же говорил, что всё выйдет? – рычит Ауримант, смот-

ря на кого-то за моей спиной.

- Я думал...

- Плевать, что ты думал! Спаси её!

- Есть лишь один способ.

- Тогда чего ты стоишь?

- Он вам не понравится, эрд.

- Я готов на всё, потому что она моя...

Но он не договаривает. Кажется, и так сболтнул лишнего.

Кажется, мне видятся галлюцинации, или призраки пришли проводить меня на тот свет. Хотя с уверенностью не могу сказать, куда теперь уйду, и какой свет действительно ТОТ.

Испуганное лицо Гельты, рисующей круги надо мной. Это местный ритуал, я уже привыкла. Но женщина кажется мне слишком настоящей.

- Это печать двух, мой генерал, - говорит голос, и по лицу Ауриманта понимаю: он ждал всего, что угодно. Только не это.

А скоро мы узнаем, что же на самом деле происходит, почему так штормит генерала. И расскажет нам об этом сам Ауримант

Глава 30

Различаю лишь отдельные слова, отрывки.

- Кровь активировалась.

- Это невозможно, эрд, она не из наших.

- Молчи. Готовь печать.

Гульта не растворяется в пространстве, подобно туману. Она смотрит на меня со смесью скорби и сожаления, а рядом с ней появляется Эйхос – мальчишка, что назвался её сыном. Ещё один призрак во плоти. И в его глазах больше любопытства, чем жалости.

Свет над головой дробится на лучи, будто сквозь прозрачное стекло проливаются тысячи солнц. Они режут пространство, словно тонкие золотые клинки. Пытаюсь вдохнуть, но воздух тягуч, как мёд.

Ауримант держит меня на коленях, сжимая руку, и его ладонь – я

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.